

ВЯЧЕСЛАВ ЗАРЕНКОВ

ИЗБРАННОЕ

Книжная лавка писателей

Вячеслав Заренков

Избранное

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Заренков В. А.

Избранное / В. А. Заренков — «ЛитРес: Самиздат»,
2017 — (Книжная лавка писателей)

Публикуемые рассказы наполнены глубоким смыслом, обладают философским содержанием и при этом написаны ярким, образным, живым языком. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	6
Простые истины	7
Рука матери	7
Водопровод	9
Старик и лошадь	11
Слепой старик	16
Подвиг	22
Маруся	26
Орлы и люди	33
Возвращение к жизни	39
Рождение песни	45
Табличка с фамилией	50
Не там построили	53
Картина	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вячеслав Заренков

Избранное

Предисловие

Уважаемые читатели, дорогие друзья!

С момента выхода в свет моего первого сборника рассказов «Сопромат» минуло шесть лет. За это время произошло немало событий. Многие из них нашли отражение в художественной литературе. Вы смогли ознакомиться с моими новыми книгами «Записки оптимиста» и «Данность жизни». В них автор с помощью своих героев попытался донести до читателя простые истины, о которых в наше непростое время начинают забывать. Это дружба, взаимопомощь, настоящая любовь, вера в добро, в будущее, в честность и порядочность людей.

Все люди в мире рождаются практически одинаково беспомощными: не могут сами ходить, говорить. У всех первый крик означает: «Я родился! Я пришел в этот незнакомый мне мир. Вот я...» А далее идет развитие Человека, познание мира: человек растет физически, учится говорить, общаться, формируется его мировоззрение. Человек развивается как личность и начинает задумываться: «А зачем я родился? Зачем я здесь? Зачем я есть?». И в зависимости от осознания ответов на эти вопросы каждый из нас избирает свой жизненный путь.

Выбор своего пути у всех происходит по-разному, в разных направлениях... По какому пути пойдет человек, зависит от многих факторов: в первую очередь, от родителей – что они дали детям, как воспитали, чему научили. Во-вторых, от внешней среды, в которой он общается: школы, в которую ходит, учителей, которые передают ему свои знания и свое отношение к жизни, друзей, которые рядом, от обстоятельств в которые попадает человек, и еще от многого другого.

В рассказах этой книги вы сможете на примерах узнать о жизненных путях разных людей. И сделать выводы.

Как в общем-то схожие при рождении люди по-разному проживают свои жизни, выбрав свои пути развития и существования. И как результат: одни приносят людям добро и счастье, а другие, наоборот, – горе и слезы. Об одних помнят и чтят память даже после смерти, а о других и при жизни доброго слова не скажут.

Коротка человеческая жизнь, но как по-разному ее можно прожить...

Буду искренне рад, если эта книга поможет молодым людям правильно выбрать свой путь, а взрослым – подправить в нужном направлении свою жизненную тропу...

Потребность в новом издании возникла не только в связи с тем, что предыдущие книги практически сразу разошлись среди читателей – разного возраста, разных профессий, из самых разных сфер деятельности. Дело также в том, что прошедшие несколько лет были годами быстрого развития, и мне хотелось поделиться новыми знаниями и опытом. Это потребовало значительной переработки структуры материала для нового издания, чтобы читатель, знакомясь с невымышленными историями героев книги, мог задуматься над серьезными жизненными вопросами и найти на них свои ответы. При этом мог отвлечься от повседневной суеты, а иногда и искренне улыбнуться.

Надеюсь, что эта книга станет полезной всем, для кого важны вечные вопросы добра и зла, истинности и фальши, неслучайности встречи, правильности выбора жизненного пути.

Мыслите позитивно, дорогие друзья, делайте добро людям, с улыбкой идите по жизни, и вы сами сделаете себя счастливыми. Сами!!! Себя!!!

Крепкого вам здоровья, счастья и любви!

Вячеслав Заренков

Простые истины

Рука матери

Шестилетний пацаненок Витька, так его звали все обитатели маленькой деревеньки с причудливым названием Хадулы, играючи старой медной гильзой, найденной накануне в огороде, продырявил в нескольких местах два листа старого фикуса, который рос в огромном глиняном горшке в углу его дома, где Витька родился и вырос до своего шестилетнего возраста. А этот фикус, между прочим, много лет назад посадила его бабушка. Теперь он вымахал до потолка и занимал добрую четверть дома. В семье растение почиталось как реликвия. Такого фикуса не было ни у кого в деревне. И вдруг малолетний шалунишка, играючи, испортил зеленую «достопримечательность».

Наказание последовало незамедлительно: проходящая мимо мама со словами «Зачем ты это сделал?!» – шлепнула Витьку по голой попе своей натруженной ладонью. Не то чтобы очень сильно и болезненно, но для мальчугана это было самое суровое наказание. Ведь раньше, сколько он помнит, его никогда физически не наказывали. Если он что-то делал не так, мама говорила с укором:

– Витька! Как тебе не стыдно, сынок! Нельзя так делать.

Витька все понимал и, виновато опустив голову, шмыгая носом, начинал оправдываться:

– Я же не знал, мам! Больше не буду!

А тут сразу шлепок по голой попе мамкиной рукой. Той рукой, которую он любил больше всего на свете. Витька вспомнил, как она одевала его, а он, еще совсем маленький, прыгая на одной ноге, цеплялся за ее крепкие добрые руки. Как она купала его в огромном деревянном корыте, зачерпывая воду ладонями, а он радостно визжал и, подпрыгивая, пытался поймать мамкины руки. Как он их любил!

Жалость к самому себе и обида – нет, не на мамку, а на ее руку, которая смогла так поступить, – вызвала слезы на глазах несчастного Витьки. Сломая голову, натянув на бегу коротенькие шорты на одной лямке, он убежал из дома куда глаза глядят. Присел на корточки около маленького лесочка, уткнул голову в коленки и, глядя на листья березы, задумался:

– Ну зачем я загубил листья фикуса? Вон какие красивые листочки у березки! И березка, наверное, радуется, что они целехоньки. Это ведь как будто ее детки. Правильно мама сделала, что отшлепала меня!

Витька прибежал домой и незаметно лег в свою кроватку. Прикинулся спящим. Мать, вернувшись поздно вечером и посмотрев за занавеску, где лежал сын, села рядом.

Теплой шершавой рукой она погладила его по стриженной голове. Нежность и любовь захлестнули Витьку, и он, забыв про суровое наказание, боясь, что мама уйдет, обеими ручонками вцепился в любимую руку, прижался к ней щекой и мгновенно заснул.

Позже, когда Витька вырос и стал Виктором Антоновичем, он часто с благодарностью вспоминал тот шлепок по голой попе, который помог ему лучше понять смысл добра и зла. По отношению не только к людям, но и к природе. Тепло материнской руки он бережно пронес через всю жизнь.

В рассказе «Водопровод» описан момент, когда Виктор Антонович с нежностью, положив свою руку на руку матери, поворачивал краник водопровода на том месте, где был его родной дом и где он много лет назад получил шлепок по попе.

И символично, что до сих пор, несмотря на время и суровые зимы, Виктор Антонович, посещая родные места, убеждается, что, открыв краник этого водопровода, можно услышать журчание чистой воды.

Видимо, тепло руки его матери до сих пор оберегает этот волшебный краник...

Водопровод

Живя в эпоху Интернета, когда из любой точки земного шара можно пообщаться с человеком на другом конце света, трудно представить, что люди обходились без радио, электричества, водопровода и иных благ цивилизации. Но так было, и совсем недавно. Виктор Антонович помнит, как шестилетним мальчишкой он наблюдал за установкой деревянных столбов радиопередачи в родной деревне. Грандиозное событие! В торжественный момент включения сети все, от мала до велика, собрались на главной площади и с замиранием сердца, подняв головы и устремив взгляды на черную «тарелку», ждали: заговорит – не заговорит?

– Нет! Как она может заговорить? Она же картонная! – недоумевали одни.

– Ну и что, что картонная? А внутри там – мембрана! – доказывали другие, бравировав незнакомым словом.

И вот, наконец, «тарелка» заговорила: «Здравствуйте, дорогие земляки! Говорит местный радиоузел...» Веселью не было предела. Кто-то плясал, кто-то хлопал в ладоши, ребятня кружилась в танце искренней радости, а бригадир раздавал конфеты и лимонад. Откуда-то привезли мороженое – вафельные трубочки; многие пробовали его впервые. В общем, настоящее событие.

Еще через год провели электричество. И снова – праздник и сладости. Теперь уроки можно делать вечером, при свете лампочки. А днем дотемна играть в футбол или лапту.

О водопроводе даже и не мечтали. Воду брали из общего колодца глубиной более сорока метров. К нему всегда выстраивалась длинная очередь. Пока стоишь, можно было узнать все местные новости. Уже после того как Виктор Антонович уехал в Ленинград, в его родной деревне пробурили скважину и установили водопроводные колонки – по одной на десять жилых домов. Теперь не надо было далеко ходить за водой. Для многих пожилых людей это стало настоящим подспорьем. Но мать в письмах все равно нет-нет, а жаловалась, что руки болят и ходить, пусть и рядом, но тяжело.

«Проведу-ка я родителям водопровод в дом!» – решил Виктор Антонович. И в очередной выходной, прихватив пару друзей, отправился на вокзал. Ночь в пути, и утром они уже прибыли на место.

– Отдохните с дороги! – засуетилась мать. – Поешьте, полежите, а уж потом копать будете.

– Поесть мы всегда с удовольствием, а отдыхать будем после того, как дело сделаем.

Работа спорилась, и к вечеру субботы траншея была готова. На следующий день проложили трубы, установили раковину и сделали дренаж. Кран открывали в торжественной обстановке – полный дом народа собрался. Наступил ответственный момент:

– Ну, мама, поворачивай кран!

Мать, вытерев руки о фартук, осторожно повернула медную ручку краника. Появилась тоненькая струйка родниковой воды.

– Да не бойся, поворачивай смелее, – положив свою руку на материнскую, помог Виктор Антонович. – Теперь вода есть в доме!

Это был первый индивидуальный водопровод в деревне.

– Шампанского и горилки! – лихо скомандовал Виктор Антонович.

Как по мановению волшебной палочки, на столе появилось шампанское, местный чистейший самогон, сало, соленые огурчики, грибы и многое другое.

– Чего здесь не хватает? – таинственно спросил Виктор Антонович, глядя на играющих возле дома ребятшек.

– Мороженого! – хором ответили малыши.

– Мороженого детям! – шутливо прокричал Виктор Антонович.

В следующую минуту, словно из-под земли, вынырнул его лучший друг Вадим с огромной коробкой мороженого в руках.

– Ребята, налетай! – Вадим вручил детям свою ценную ношу.

Что тут началось! Мальчишки скакали около подарка, заглядывали через плечо соседям и давали советы, как открыть коробку, а девочки хлопали в ладоши. Наконец общими усилиями открыли. В большой коробке находилась вторая, поменьше, вокруг которой дымился сухой лед. Внутри нее были аккуратно сложены вафельные трубочки. Мороженого хватило всем – и детям, и взрослым. Даже девяностолетний дед Иван решил полакомиться.

Прошло время, умерли родители, и опустевший дом начал разрушаться. Когда Виктор Антонович в очередной раз навестил близкие сердцу места, он увидел печальную картину: на месте дома остался лишь фундамент, поросший бурьяном.

В этот раз его встретил глава местной администрации.

– Здесь стоял дом, где я родился, – показывал Виктор Антонович. – А вот сюда, в угол, мы провели водопровод, – отведя в сторону заросли крапивы, хотел он показать место, где они с друзьями устанавливали кран.

Вдруг рука остановилась, и он застыл. На этом самом месте из земли торчала труба, на конце которой по-прежнему сверкал медный кран. Виктору Антоновичу вспомнилась рука матери, которой он помогал в первый раз повернуть этот кран. И как они вместе с ребятней открывали коробку с вафельными трубочками. Все это было давно и недавно. Кажется, что вчера...

Старик и лошадь

Лошадь звали Бизон, старика – Михась. Никто не помнил его настоящего имени. Михась, и все. Как с детства повелось, так на всю жизнь и привязалось. Он и сам, вероятно, забыл фамилию и имя по паспорту. Хотя, когда бригадир колхоза исправно вывешивал на доске в домике для разнорабочих список трудодней за месяц, там черным по белому было написано: «Панкратов Михаил».

Лошадь тоже знала старика под именем Михась. И если кто-нибудь из деревенских чудачков спрашивал ее: «Где твой Михась сегодня?» – она безошибочно мотала головой в ту сторону, где находился старик.

Михась и Бизон понимали друг друга без слов. Никаких вожжей и тем более кнута. Для окружающих это было странно. Представьте себе картину: Михась сидит в телеге и управляет своим четвероногим другом.

– А давай-ка, мой дорогой Бизончик, чуть быстрее, – приговаривает он, и Бизон ускоряет шаг.

– Поверни налево.

Бизон тут же сворачивает в нужную сторону.

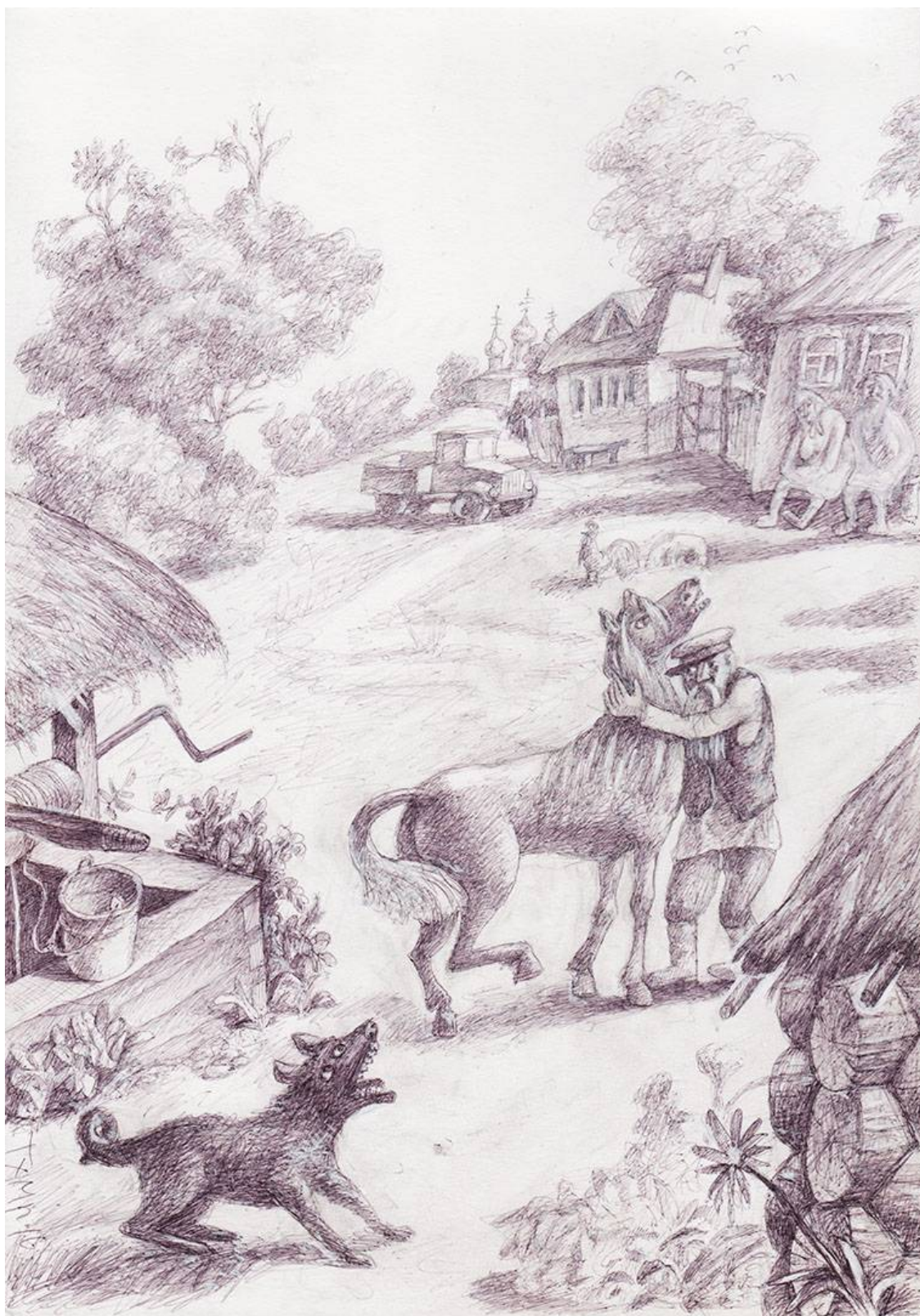
– Направо, милый.

Лошадь покорно идет, куда сказано.

Часто можно было видеть, как Михась беседует с Бизоном: рассказывает деревенские новости или просто жалуется на судьбу.

Жил он один: жена давно умерла, а дети разлетелись по миру и редко навещали старика. Кроме Бизона, у него никого не было. Старик взял его к себе еще жеребенком и сам придумал имя. Случайно вышло. Когда увидел малыша сразу после рождения, вырвалось: «Ох ты, мой маленький Бизончик! Что же ты так несмело на ногах стоишь? Но ничего, ты еще маленький, тебе же еще и дня нет. Но пройдет время, и я сделаю из тебя настоящую лошадь, всему научу. И станешь ты настоящим Бизоном!»

Так и получилось. И хотя Бизон был колхозной лошадей, и ему полагалось жить в общей конюшне, бригадир разрешил Михасю, в виде исключения, держать его в персональном сарайчике на приусадебном участке у своего дома. Так они и жили вдвоем – семидесятилетний Михась и четырнадцатилетний Бизон.

Возможно, для современных людей это прозвучит дико, но в те времена лошадей в колхозе держали только до десяти лет, а потом отвозили на местный мясокомбинат. Так постановило высокое районное начальство. Михась каждый год писал ходатайство этому самому начальству и визировал его у бригадира, чтобы Бизона оставили еще на год. Видя, с какой любовью старик относится к лошади, чиновники снисходительно продлевали ей жизнь... еще на год.

Так прошло четыре года. Михась хорошо кормил Бизона, и он выглядел всегда ухоженным и крепким.

Как-то в выходной день Михась ушел в лес за грибами. Поскольку день был не рабочий, Бизон мирно щипал травку на лугу в полутора километрах от леса. Дело шло к вечеру, корзина наполнилась, и Михась решил возвращаться. В сумерках, перешагивая через кочку, он неожиданно подвернул ногу. Адская боль пронзила все тело: ни вперед, ни назад. А помощи ждать неоткуда. Старик попытался ползти, но даже это получалось с огромным трудом, боль не давала двигаться. Присев на кочку и вытянув покалеченную ногу, Михась задумался: до деревни – два километра, уже ночь и надо как-то выбираться.

«Эх, если бы здесь был мой Бизон!» – подумал он и, не надеясь ни на что, позвал:

– Бизон, выручай, дорогой!

Прислушался. Да разве кто услышит на таком расстоянии? Позвал еще громче:

– Бизон! Ты мне нужен. Выручай!

Каково же было удивление старика, когда через какое-то время вдалеке послышался топот копыт, а через пять минут к нему подошел родной Бизон. Встав на колени, он нежно ткнулся теплыми губами в лицо хозяина. Едва преодолевая боль, Михась взгромоздился на лошадь, и та аккуратно поднялась с колен.

– Как ты меня услышал? Ведь до деревни почти два километра! – ласково спросил Михась.

– Да не слышал я, а почувствовал, что ты в беде, – фыркнул в ответ Бизон, покачивая головой...

Михась и Бизон старели, но не расставались. Когда четвероному другу исполнился двадцать один год, а старику – семьдесят семь, он собрал все свои накопления за десять лет и написал бумагу с просьбой продать лошадь.

Но не тут-то было! В советское время частным лицам категорически запрещалось иметь орудия производства. А лошади числились на балансе колхоза именно в таком качестве. Получив отказ из района, Михась поехал к областному начальству. К сожалению, там ему тоже отказали. Тогда, по совету соседа, старик написал письмо Хрущеву и стал ждать ответа. Время шло, а ответа не было. Над другом нависла смертельная опасность: разозленное упорством Михася высокое начальство объявило строгий выговор бригадиру колхоза за «безобразие» – многолетнее уклонение от отправки лошади на мясокомбинат.

– Я тебя понимаю, Михась, – извинялся бригадир. – Но приказ есть приказ!

Надо было что-то делать, и Михась решил спрятать лошадь у дальних родственников. А это уже настоящее воровство, подсудное дело. И вот следствие, допросы и через месяц выездной показательный суд. Строгий судья и заседатели. Факт хищения государственной собственности, и прокурор требует дать гражданину Панкратову Михаилу два года тюрьмы. Однако, учитывая преклонный возраст старика и его заслуги перед государством, судья и заседатели, посоветовавшись, выносят приговор: год условно и предписание «выплатить стоимость похищенного орудия производства по остаточной стоимости». А поскольку орудие производства – лошадь по кличке Бизон – эксплуатировалось более двадцати лет, остаточная стоимость была не очень велика (естественный износ, как-никак) и составила сто восемьдесят рублей. Почти все сбережения Михася за последние десять лет. Заплатив указанную сумму и выждав год условного срока за воровство, в течение которого приходилось разрываться между домом и родственниками, у которых жил Бизон, Михась, наконец, привел лошадь домой. К этому времени Бизона сняли с колхозного баланса.

Районное начальство было в замешательстве. Вроде, все ясно: человек наказан, стоимость похищенного выплачена, на балансе в колхозе лошади нет, но при этом у частного лица есть орудие производства в виде хоть и старой, но живой лошади. Что делать?

– А, бог с ними! Пусть живут! – в конце концов махнули рукой новые, более молодые чиновники.

И зажили Михась с Бизоном свободной жизнью. Правда, таскать телегу Бизон уже не мог, но Михась от него этого и не требовал. Старик и лошадь мирно прогуливались по деревне, без всяких уздечек и поводков. Два приятеля, не раз спасавшие друг другу жизнь. Два верных друга.

– Ты ведь у меня пенсионер, – шутил Михась, ласково теребя холку Бизона.

– Да, мы оба пенсионеры, – мотая головой и тыкаясь теплыми губами в руки Михася, соглашался Бизон.

Им было хорошо вместе!

Слепой старик

– Эх, скорее бы на пенсию, – вздыхал Андрей Алексеевич, обедая в городской столовой.

– Ну уж нет, Алексеич! – возразил мужчина средних лет, плотник. – Даже не думай об этом! Мы никуда тебя не отпустим. Кто вместо тебя бригадирить-то будет?

– А вот тебя и выберем: возраст самый что ни на есть подходящий, опыта достаточно. Ты и побригадиришь, – по-отечески ласково передразнил младшего товарища Алексеич.

Так балагурили строители из комплексной бригады в обеденный перерыв. Бригаду возглавлял опытный строитель с более чем тридцатилетним стажем Андрей Алексеевич Зорин. До пенсии оставалось чуть меньше года, и он мечтал о долгожданном и заслуженном отдыхе.

«Доработаю до шестидесяти – и все! Подустал я за тридцать лет на стройке, пора отдохнуть. Займусь хозяйством: дом приведу в порядок, огород – почти полгектара, скотина. Без дела сидеть не буду, и самое главное (тут Алексеич загадочно улыбнулся) – осуществлю свою заветную мечту: смастерю настоящую русскую карету с коваными накладками на колесах, резными перекладинами и узорчатой дугой с колокольчиком», – так рассуждал Андрей Алексеевич, возвращаясь домой на электричке.

Жил он в восемнадцати километрах от города и тратил на дорогу в один конец более часа. Летом – на велосипеде, зимой – на пригородном поезде и пять километров пешком. Дома его ждала жена, с которой прожили вместе почти сорок лет. Вырастили пятерых детей, пережили коллективизацию, войну, хрущевские времена и многое другое. Всякое бывало, но на жизнь не жаловались и считали, что живут в достатке, не хуже других. Одно печалило: взрослые дети разъехались по разным городам, некоторые уже имели собственные семьи и родителей навещали нечасто. Но когда приезжали, был настоящий праздник.

Год пролетел незаметно, и состоялись торжественные проводы на пенсию. Начальник стройуправления объявил Андрею Алексеевичу благодарность, вручил почетную грамоту, новенький телевизор «Неман» и двухнедельную путевку в санаторий «Лучезарный» недалеко от Таллина.

Через две недели приятного отдыха новоиспеченный пенсионер, уже соскучившийся по работе, вернулся домой. А там работы невпроворот.

– Крышу надо менять, забор покосился, дрова на зиму заготовить, – планировал Андрей Алексеевич.

Закрутилось-понеслось, с раннего утра и до позднего вечера. Не до кареты. Зимой, конечно, полегчало, но и день стал короче. Наступило новое лето. И хотя дел было много, Зорин начал скучать по настоящей стройке. Да и ребят из своей бригады давно не видел.

Вдруг, словно почувствовав настроение Алексеича, в гости заглянул начальник стройуправления.

– Не скучаешь?

– А ты, Борисыч, как в воду глядел. Я вас только что вспоминал, – накрывая на стол в саду под вишней, ответил гостеприимный хозяин. Тут же появилась бутылка первача, соленые огурчики, сало, лук и прочее.

– Сложновато без тебя, – закусывая хрустящим огурцом, издали начал Борисыч. – Я ведь не просто так приехал, хочу попросить тебя поработать пару-тройку месяцев. Надо сдавать объект, а кровлю делать некому. Ты же такой мастер по этой части!

– Ну и хитрый ты, Борисыч! Я согласен, но только с моей бригадой.

– Конечно, по-другому никак, – заверил начальник стройуправления.

На следующий день Андрей Алексеевич прибыл на объект раньше всех, чтобы осмотреться, ребят встретить и переговорить. Погода в тот год стояла жаркая – выше тридцати градусов. А работали с горячим битумом: молодой рабочий его разливал, а Алексеич ловко укладывал рубероид. Разогретый битум слепил глаза – жар, как в печи.

«Нет! – думал про себя Андрей Алексеевич. – Не для меня это уже, годы не те...»

На пятые сутки к концу рабочего дня он почувствовал резь в глазах, а вечером, как обычно, решил почитать газету. Однако буквы сливались, и было трудно читать. Через неделю стало еще хуже: предметы на расстоянии трех метров стали расплывчатыми, а лица на экране телевизора смазанными.

– Все, больше на работу не выхожу! Отдохну немного и пройдет. Это от горячего битума, – решил Алексеич.

Но зрение ухудшалось с каждым днем, и через месяц он уже с трудом узнавал человека, стоявшего буквально в пяти метрах.

– У вас прогрессирующая катаракта, – сообщил доктор местной поликлиники. – Необходима операция, иначе вы ослепнете.

Андрей Алексеевич страшно боялся операций, потому что раньше никогда их не делал. А тут сразу на глазах. Вдруг не получится? Решил подождать. Но зрение продолжало ухудшаться, даже в очках уже не мог читать. Наконец решился.

– Сначала попробуем на одном глазу, – предложил врач.

Операция прошла успешно. Врачи предупредили, что в течение полугода запрещены любые нагрузки, включая работу по дому. Алексеич выдержал неделю, потом взял инструменты в руки и давай пилить, строгать. Через день швы разошлись, и он полностью ослеп на один глаз. Переживал страшно. Но на операцию на втором глазу все же решился.

«Теперь буду умнее. Никаких нагрузок!» – утешал он себя.

Однако вторая операция оказалась неудачной, и Андрей Алексеевич ослеп на оба глаза.

– Что я теперь буду делать? – в отчаянии спрашивал он себя.

Правда, врачи обнадежили. Сказали, что через пару-тройку месяцев, когда все заживет, можно сделать повторную операцию. Через три месяца, не доверяя местным врачам, Андрей Алексеевич решил сделать операцию в Ленинграде, где жил со своей семьей его младший сын Виктор. Договорились с известной больницей.

Слава богу, операция прошла успешно. Алексеич снова увидел своих сыновей, невестку и внуков. Радости не было предела. И вот наступил день выписки. С раннего утра все было готово, но перед выпиской молодая врач-хирург, которая готовилась к защите кандидатской, решила проверить состояние швов и описать их в своей диссертации. В итоге Андрей Алексеевич просидел полтора часа на ярком свете. После этой экзекуции, пройдя десяток шагов, он почувствовал что-то неладное: в глазах – пелена, резь, ничего не видно.

«Наверное, после яркого света. Пройдет», – с надеждой подумал Алексеич, опираясь на стену длинного коридора. Но пелена не проходила.

Подошла сестра и проводила его в палату, уложила на кровать. Через час приехал сын Виктор:

– Ну что, собрался? Чего лежишь? Давай вещи, домой едем! – начал радостно Виктор, но, увидев состояние отца, осекся.

Алексеич даже говорить не мог, слова застряли в горле. Сестра пыталась что-то объяснить, но Виктор ничего не понял. Затем пришел врач, долго осматривал пациента и вынес вердикт:

– Отслоение сетчатки. Сейчас мы бессильны. Вероятно, что-то можно будет сделать через полгода.

Еще полгода ожидания, отчаяния с надеждой пополам и – новая попытка. Результат нулевой. Светила в области офтальмологии сказали, что ничем не могут помочь.

Наступило полное отчаяние.

«Как жить слепым? Ведь обуза для жены, близких, – мучился Алексеич, возвращаясь в деревню. – Я не смогу так жить!»

И тут же, стиснув кулаки, сказал сам себе, что жить надо, и добавил:

– Не позволю, чтобы кто-то меня кормил, поил и одевал. Буду привыкать, докажу себе и всем, что и слепой человек может быть нужным и счастливым!

Начал тренироваться. Прежде всего «осмотрел», точнее, изучил близлежащую территорию. Научился ее чувствовать и постепенно расширял границы. Вспомнил, где что лежит, нашел инструмент, определил для каждого свое место и запомнил.

Главными для Алексеича теперь стали память, слух и обоняние. Их он совершенствовал каждый день, а еще нашел себе «поводыря». Прочную и легкую палочку собственными руками изготовил старший сын. Средний сын приобрел новые инструменты, а младший, Виктор, купил радиоприемник и говорящие часы.

Жизнь стала обретать смысл. Жена, будто не замечая слепоту мужа, подбрасывала ему работу: наточить ножи, насадить вилы или лопату, сделать грабли. И Алексеич все делал. Сначала медленно и неуклюже, потом все увереннее. Вскоре и соседи пожаловали – сделай то, сделай это. И он с удовольствием делал все, о чем попросят.

Через год Андрей Алексеевич полностью освоился и мог делать то же, что и зрячие. Кроме того, благодаря радио, он знал, что происходит в мире, и был интересным собеседником, душой компании.

Несмотря на занятость и суматошную жизнь в Ленинграде за восемьсот километров от родительского дома, Виктор два-три раза в год навещал отца с матерью. Он был поражен и безумно рад, когда во время очередного визита увидел во дворе настоящую русскую карету с коваными накладками на колесах, резными перекладинами и дугой с колокольчиком.

– Все, все без исключения вот этими руками, дорогой сынок! – гордо заявил Алексеич. – Видишь, и слепой может быть полезным и осуществить свою мечту!

Жизнь шла своим чередом, и прошло почти двадцать лет с того дня, как Андрей Алексеевич полностью ослеп. Все это время он жил полноценной жизнью. И вдруг новый удар судьбы – умерла жена. Восемьдесятдвухлетний, абсолютно слепой Алексеич остался в доме один.

– Кому я нужен, слепой старик? – грустно вздыхал он на похоронах жены.

– Ты нам нужен, отец! – сказали сыновья и, посоветовавшись, решили, что у Виктора ему будет комфортнее: есть дом за городом, отдельная комната, а какое-нибудь занятие можно придумать.

В общем, уехал Андрей Алексеевич с Виктором и его женой в Санкт-Петербург (к тому времени городу уже вернули его историческое название). Снова привыкал к территории, соседям и

жизни в новых условиях. Но сила духа взяла свое: грядки вскопать, ягоды собрать, баньку истопить, веники связать. И самое главное – беседы с сыном, невесткой, внуками, соседями. Постепенно жизнь вернулась в нормальное русло. Он был счастлив.

Когда оставался один, выходил в сад, садился на скамеечку и радовался. Птички совсем его не боялись и садились на плечи, на ладонь. Алексеич рассказывал им, как он счастлив и какая у него замечательная семья.

Был счастлив и Виктор. Прожив с родителями до семнадцати лет, он не имел возможности по-взрослому общаться с отцом, обсуждать жизненные ситуации. А теперь судьба подарила восемь лет общения. Виктор всегда мог посоветоваться и получить ответы на самые сложные вопросы. Врожденная мудрость и жизненный опыт позволяли Андрею Алексеевичу давать сыну и его жене полезные советы.

Умер Андрей Алексеевич Зорин, когда ему шел девяносто второй год, окруженный заботой и вниманием, в здравом уме и сознании. Похоронен в родной деревне, рядом со своей супругой. Не забыт детьми и внуками...

Подвиг

Однажды перед Новым годом я был в гостях у племянника Артема. Их семья – Артем с прекрасной женой Настей, сыном Никитой и двухлетней дочкой Леной – жила в Санкт-Петербурге в обычной трехкомнатной квартире на пятом этаже типового панельного дома. Жизнь в большом городе складывается так, что даже соседи на одной площадке иногда не знают друг друга.

Играя с четырехлетним Никитой, я спросил его:

– Никита, что бы ты хотел, чтобы Дед Мороз подарил тебе в новогодний вечер?

– Я хочу, чтобы Дед Мороз подарил мне во-о-о-от такую большую ракету, – развел вширь ручонки Никита. – И тогда я полечу в космос, соберу там много звезд и подарю их папе, маме и моей сестренке Лене, и они будут светить им всю жизнь и радовать их...

– Ты, наверное, будешь космонавтом, когда вырастешь? – спросил я, ожидая утвердительный ответ.

– Нет, дедушка, – серьезно произнес Никита, – когда я вырасту, я стану врачом и буду лечить тебя с бабушкой, чтобы вы долго жили, и маму с папой, и всех-всех людей.

– Это замечательно! – похвалил я его выбор.

– А еще я хочу, чтобы Дед Мороз принес моей сестренке пушистого мишку, – попросил Никита, переводя разговор на праздничную тему.

После обеда я купил в местном магазине самую большую ракету и уговорил друга переодеться Дедом Морозом и вечером вручить ее Никите. И вот вечером, когда все уже расселись за праздничным столом, раздался звонок в дверь. Настя – мама Никиты – не спеша открыла дверь. Глаза Никиты при виде Деда Мороза засияли от удивления и радости.

– Кто у вас здесь Никита? – громким голосом произнес Дед Мороз. – Я принес ему подарок...

– Я, я Никита! – закричал малыш.

– И что бы ты хотел получить в подарок, Никита?

– Большую-большую ракету, я полечу на ней в космос... – начал объяснять Никита.

– Ну, давай вместе посмотрим, что там у нас... – запуская руку в мешок, произнес Дед Мороз.

– Вот она – твоя красавица ракета! – вытащил Дед Мороз подарок.

– Ой, какая большая, какая красивая! – закричал, запрыгал от радости Никита.

– Дедушка, а как я полечу на ней? – спросил он меня.

– А ты ложись в кровать, обними ракету и засыпай, и во сне ты обязательно полетишь к звездам...

Я был уверен, что ему приснится полет в космос, что он соберет там звездочки, и посадка будет успешной.

– А что вы Лене подарите? Она у нас еще совсем маленькая, ей всего два годика, – заботливо поинтересовался Никита.

– А Лене, так как она маленькая, мы подарим вот этого беленького пушистого медвежонка, – вытаскивая из мешка игрушку, произнес Дед Мороз. Лена, схватив медвежонка, прижала его к груди и важно заявила, картавя:

– Он холоший, я буду его любить и защищать...

Уложив детей спать, все сели за стол, началась неторопливая беседа.

Утром, открыв глаза, Никита увидел рядом с собой в кроватке ракету, а около нее – корзину с сияющими звездочками. Схватив ее, радостный, со всех ног помчался к родителям:

– Мама, папа, Лена, я вам звездочек в космосе на ракете насобираю, вот, забирайте... Они вам всю жизнь светить будут!

Я был рад, глядя на эту замечательную, дружную и по-настоящему счастливую семью. Здесь царили любовь и взаимопомощь. И был уверен, что когда Никита вырастет, он станет настоящим человеком.

Прошло два года. Был обычный осенний вечер. Двадцатилетний, нигде не работающий Иван Зверев, сидя в пустой однокомнатной квартире, страдал от безденежья. Хотелось выпить, играли гормоны – хотелось женщину – не имеет значения, какую, в данный момент сойдет любая... Расхаживая по пустой комнате, решил позвонить знакомой собутыльнице:

– Але, слышь, Марфуша, это я – Иван. Приходи, я тут один, поразвлекаемся...

– Да без проблем! А бухалово есть? И как насчет бабок?

– Да нет, конечно, откуда... Перехвати где-нибудь штуку...

– Ну уж хрен тебе! Гуляй, Ваня, без меня... Без бабок мне у тебя делать нечего, развлекайся один...

– Ну ладно, не трепись, найду я бабок, приходи.

– Вот когда найдешь, тогда и звони, – произнесла Марфуша и отключила телефон.

– Вот стерва! – заорал в ярости Иван. – Бабки ей подавай! Где же я найду эти бабки?

Злой прошел на кухню, выцедил из горла пустых бутылок капли пива. Увидел на столе кухонный нож, задумался и спустя некоторое время зло произнес:

– Если бабок нет, надо их отнять у тех, у кого они есть.

Схватив нож, выскочил из комнаты. Не закрывая дверь, позвонил соседу...

Настя, проводив мужа с Никитой в магазин за продуктами, успокаивала не ко времени раскапризничавшуюся Лену.

«Артем, наверное, что-то забыл...» – подумала Настя, услышав звонок, и открыла дверь. Тут же получила удар в лицо.

– Деньги, драгоценности! – орал обезумевший незнакомый человек, размахивая ножом.

– Помогите! – закричала Настя, схватив и прижав к груди плачущую девочку.

– Заткнись! – орал, нанося, не разбирая куда, удары ножом, грабитель. Брызги крови заливали пол. Превозмогая боль, Настя быстро уложила девочку в кровать:

– Забирай деньги и оставь нас... – простонала Настя, показывая на комод.

Напуганная девочка захлебывалась в слезах и крике.

– Заткнись, недоносок! – пробегая мимо кровати, преступник ткнул ножом в девочку.

– Не трогай ребенка! – бросилась на грабителя раненая Настя.

Последовали новые удары. Грабитель рванул к комоду, схватил шкатулку с деньгами и драгоценностями и бросился за дверь. Истекающая кровью Настя, с трудом закрыв пленкой рану девочки, набрала номер скорой помощи.

Скорая и Артем с Никитой прибыли почти одновременно. Быстро перевязав, теряющих сознание Настю и Лену увезли в больницу. Артем с Никитой, сообщив мне по телефону о случившемся, уехали с ними. Через некоторое время мы собрались в приемном покое в ожидании результатов.

Все были взволнованы и молчаливы.

В это же время Зверев, пересчитав деньги, звонил подруге:

– Слышь, Марфуша, я бабки достал, аж шесть штук, приезжай, шас куплю бухалово, и мы с тобой оторвемся по полной.

– Вот это разговор... За такси заплатишь? – спросила Марфа.

– Какой базар? Я же при деньгах! Лети скорее, поразвлекаемся, – повесил трубку Иван и выскочил на лестницу.

Магазин шаговой доступности был в этом же доме. В магазине купил три бутылки дешевой водки, коробку пива, хлеб, колбасу, банку соленых огурцов. Выходя, увидел подъехавшее такси:

– О, Марфуша, быстро же ты... У нас сегодня будет праздник, – показывая пакет, заржал Иван. – Поразвлекаемся!

Сунув таксисту тысячерублевую купюру, важно произнес:

– Сдачи не надо...

Зайдя в комнату, тут же грубо завалил Марфу на кровать и, сорвав с нее трусы и расстегнув ширинку своих джинсов, начал заниматься с ней сексом.

Процесс длился недолго, неудовлетворенная женщина зло упрекнула:

– Денег-то достал, а вот трахаться не научился. Неинтересно с тобой, наливай давай. Может, водка тебе поможет.

– Все будет окей, не волнуйся! – огрызнулся Иван.

Налили почти по полному стакану, чокнулись, залпом выпили. Закусили хлебом с колбасой, немного поговорили, снова выпили. Через какое-то время залезли в кровать...

Вышел врач, все бросились к нему:

– Как они?

– С женщиной все в порядке, ран много, но жизненно важные органы не задеты. А вот девочка потеряла много крови, требуется срочное переливание. Но вся проблема в том, что у нее редкая группа крови и нужен донор с такой же группой. Из всех присутствующих здесь такая группа только у Никиты. Если он согласится, мы можем приступить немедленно.

Врач подошел к Никите:

– Никита, чтобы спасти твою сестренку, мы должны взять у тебя кровь. Ты согласен?

Никита задумался, побледнел, через минуту подошел к отцу, обнял:

– Папа, я тебя люблю...

– Я тебя тоже, сынок. И ты сможешь спасти сестренку?

– Да, папа, – задумчиво произнес Никита и подошел ко мне.

– Я люблю тебя, дедушка.

– Я тоже тебя люблю, малыш. Ты у нас настоящий герой! – подбодрил я Никиту.

– Я хочу увидеть маму, – попросил вдруг Никита.

Врач взял Никиту за руку и повел в палату. Настя, бледная, лежала на кровати с закрытыми глазами. Услышав шум входивших, открыла глаза, произнесла радостно:

– Заходи, Никитка.

– Я люблю тебя, мама! – произнес Никита и добавил: – И я согласен спасти Лену.

– Ты у меня молодец! – произнесла Настя и погладила малыша по голове. – И я люблю тебя.

Подошла медсестра:

– Не бойся, Никита, это не больно, это как комариный укус. Ты ведь смелый парень.

– Идемте скорей, я согласен! – четко произнес малыш, подавая медсестре руку.

И они ушли в кабинет. Мы с нетерпением ждали. Кажется, прошла вечность.

А в это время в квартире были пьяные оргии. Крики, ругань, стоны, песни, топот. Соседи снизу, не выдержав грохота, вызвали полицию. Увидев вошедших, пьяный Иван схватил окровавленный нож и с криком: «Убью, сволочи, не возьмешь меня...», – бросился на полицейских, но пара дюжих ребят тут же перехватили руку с ножом и, скрутив руки за спину, надели наручники.

– Не трогал я их, – начал скулить Зверев, – я просто в долг хотел занять, а она сама на меня набросилась...

И тут недоумевающие полицейские поняли, что перед ними грабитель соседней квартиры. Марфуша, забившись в угол комнаты, всхлипывала. На нее вдруг напала икота, и она на все вопросы сквозь икоту повторяла:

– Я не грабила, я не грабила, он сам меня позвал.

– Разберемся! – строго произнес старший лейтенант.

И вот вышел врач:

– Ну вот, слава богу, все хорошо! Будет жить ваша дочка-внучка, – пошутил врач. – А Никитка молодцом держался, он в соседней палате отдыхает. Через часик можете его забрать.

И пока врач рассказывал Артему о состоянии Лены и Насти, я решил навестить Никиту. Он лежал на кровати, натянув одеяло до самого подбородка.

– Ну как дела, герой? – спросил я, улыбаясь.

Никита открыл глаза и вдруг грустно спросил:

– Дедушка, а когда я умру? Ведь у меня уже забрали кровь...

И тут до меня дошло, что слова «мы должны взять у тебя кровь» были восприняты им дословно – он решил отдать свою кровь, свою ЖИЗНЬ для спасения другого, родного ему человека, сестренки Лены. И когда он подходил к отцу, к матери, ко мне и говорил, что любит нас, – это было прощание с нами. И он пошел на это осмысленно, без колебаний. А мы, взрослые, не поняли этого. У нас на глазах мужественным мальчишкой был совершен подвиг во имя спасения другого человека.

Слезы навернулись у меня на глаза, но я произнес сдержанно и серьезно:

– Ты умрешь, мой малыш, когда проживешь хорошую, длинную и достойную жизнь, а то, что ты поделился своей кровью с сестренкой – это замечательно, и скоро все у тебя восстановится. Через час мы пойдем домой. А завтра навестим маму и сестренку.

Через три месяца был суд. Нелюдь Зверев получил шесть лет, Марфуша отделалась испугом. Происшествие произвело общественный резонанс. Преступника обзывали разными словами. Даже известный петербургский репортер посвятил этому событию телепередачу. А о подвиге Никиты знали только мы, его родные.

Маруся

*Для всего мира то, что кто-то спас одну собаку, не так важно,
а вот для собаки открылся мир.*

Wels Vokner

В один из летних дней ко мне на загородную виллу приехала внучка Настя. Был прекрасный теплый вечер. Мы сидели на качелях под яблоней и мирно беседовали. Рядом у наших ног лежала красивая белая с черными крапинками собака по кличке Маруся. Правой ногой я непринужденно чесал ей животик, и она радостно виляла хвостом...

– Дедушка, в прошлый раз, когда мы были у вас, Маруся была вся перевязана бинтами, у нее был закрыт один глаз и она еле ходила, опустив голову до земли. А сейчас вон какая она красивая, сильная и благородная. Что случилось с Марусей?

Я улыбнулся и ответил:

– Настя, ты посмотри на Марусю – она же умнейшая собака, и, мне кажется, она сама сможет тебе рассказать свою историю. Ты все это запиши на компьютере и мне перешли. Хорошо?

Настя загадочно улыбнулась и сказала:

– Хорошо, дедушка.

Я ушел в дом, Настя осталась с Марусей. И вот я получил от Насти рассказ Маруси о своей жизни.

Рассказ Маруси

– Да, меня так зовут сегодня – Маруся. И это имя мне очень и очень нравится. Давайте знакомиться, я – собака, и не простая собака, а породистая. Родилась я два года назад в одной известной семье. Мой первый хозяин – киприот Костос. Разводить собак – это его бизнес. Но когда я родилась, я не знала об этом.

Папу своего я не знаю, но хозяин говорил своим знакомым, что мой папа очень породистый пойнтер. С мамой мы прожили два месяца. Это было замечательное время! Я, мои братики и сестрички мирно сосали мамкины сиськи, резвились на природе, играли в саду и не думали о своем будущем. Хозяин был добр с нами, хорошо кормил, играл с нами и разрешал делать все, что мы хотели. Он часто брал нас на руки, и мы старались лизнуть его доброе лицо. Мы любили нашего доброго Костоса.

Когда нам было две недели, хозяин дал нам всем имена. Меня назвали Тики. Я не знаю, что это значит, но хозяин объяснял своим знакомым, что я самая озорная, поэтому так и назвали.

Мы быстро росли, познавая мир. Когда нам исполнилось три месяца, к хозяину начали приходиться какие-то люди с большими палками, которые они называли ружьями, и о чем-то долго разговаривали.

Наш добрый Костос угощал гостей едой и какой-то прозрачной противно пахнувшей жидкостью. Гости подолгу беседовали, хозяин хвалил нас, говорил, что мы самые лучшие в округе, самые породистые. Гости соглашались, брали нас на руки, нежно гладили, и мы были рады и довольны. Нам казалось, что мы самые счастливые собачки в мире.

Но вот однажды к хозяину пришел незнакомец с ружьем. Был он хмурый, небритый, в какой-то неприятной камуфляжной одежде. От него плохо пахло. Мне он сразу не понравился. От угощения он отказался и грубым голосом произнес:

– Давайте сразу перейдем к делу: мне нужна хорошая породистая охотничья собака. Покажите мне всех, кто у вас есть.

Наш добрый Костос начал расхваливать наши достоинства, рассказывал про наших прадедов, дедушек, маму, папу. Незнакомец слушал и внимательно каждого рассматривал. Иногда он хватал одного из нас за холку, поднимал, рассматривал уши, нос, заглядывал в рот, проверял зубы. Мне это совсем не понравилось, и когда он, разжав мне рот, рассматривал зубы, я цапнула его за палец.

Зло выругавшись, незнакомец отшвырнул меня в сторону и сказал хозяину:

– Вот эту злую собачонку я и беру. Я научу Ее охотиться! Она будет слушать каждую мою команду. Как ее зовут?

– Тики, – ответил мой хозяин.

– Что это за имя такое – Тики? – ехидно произнес незнакомец и, обращаясь ко мне, сказал: – Отныне ты будешь Арчи, что означает «стрела». И ты у меня будешь летать за дичью, как стрела. Поняла? – топнул ногой незнакомец в мою сторону.

Обида и злость заполнили мое тельце: «Какое право он имеет кричать на меня, да еще и ногами топтать? У меня есть хозяин – мой добрый Костос – и только его я буду слушать, только ему подчиняться», – и я, что есть сил, уцепилась за ногу незнакомца.

Незнакомец вскрикнул и, отшвырнув меня в сторону, неожиданно произнес:

– Вот молодец, Арчи, всегда кусай незнакомцев.

Я снова бросилась к его ноге, но он вдруг резко и больно ударил меня каким-то жгутом по морде и произнес:

– Все, хватит, теперь я – твой хозяин. И ты должна меня слушаться.

Я заскулила от боли и еще больше от обиды: «Ну почему же мой хозяин не заступается за меня? И почему незнакомец говорит, что теперь он – мой хозяин?» Я прижалась к ногам Костоса, заглянула ему в глаза и не узнала их. Глаза хозяина не излучали той доброты, что была в них до этого. Они были пусты, безразличны и алчны.

«Что случилось с хозяином? – подумала я. – Почему он стал такой?» И, словно услышав меня, желая закончить разговор, Костос произнес, обращаясь к незнакомцу:

– Может, не будем больше торговаться? Полторы тысячи евро и забирай собачку.

– Хорошо, – произнес незнакомец, залез в карман, вытащил бумажник, отсчитал какие-то шуршащие бумажки и протянул Костосу. Тот забрал их. Незнакомец сухо поблагодарил Костоса и, взяв меня за холку, сунул в заранее подготовленный мешок.

Сидя в темном мешке, я дрожала от страха и негодования, обида переполняла меня: «Ну почему, почему он так поступил со мной? Почему он отказался от меня, ведь я любила его, слушалась, лизала его руки, лицо? Я бы выросла и защищала его. Неужели все это случилось из-за тех паршивых шуршащих бумажек? И что ждет моих сестричек, моих братьев и куда исчезла моя мама? Почему она не спасает меня? И почему этот злой незнакомец назвал себя моим хозяином, а меня – другим именем. Он что, все может, потому что у него есть эти противно пахнущие бумажки?»

И еще много вопросов кружилось у меня в голове, пока я ехала по тряской дороге, находясь в мешке. Наконец машина остановилась, незнакомец, взяв мешок, бросил его на землю, и я услышала:

– Значит, так! Я думаю, ты поумнела, сидя в мешке. И больше не будешь кусать своего нового хозяина. Я тебя сейчас выпущу, и ты пару дней побудешь у меня голодной. А после этого будешь есть только то, что я даю. Один раз в день. От других пищу не принимать. Иначе будешь наказана. Поживешь три-четыре месяца, а потом мы с тобой начнем учиться охотиться. А до этого выучим основные команды. Поняла?

Развязав мешок, мой новый хозяин вытряхнул меня наружу, затем, взяв за холку, нацепил на шею какой-то ремень и привязал к цепи.

– Ну вот, так тебе хорошо будет, – произнес Тэд, так звали моего нового хозяина.

Я пыталась всеми силами скинуть ошейник, но у меня ничего не получалось. Тэд только посмеивался надо мной. Устав бороться с ошейником, я свернулась калачиком и уснула. Во сне мне снились мои сестрички, братики, добрый Костос. Мы весело играли, резвились, догоняли друг друга, устраивали кучу-малу. Прыгали к Костосу на колени и лизали ему руки, а иногда и нос. Костос шутливо отмахивался от нас, а иногда чесал мне между ушей и животик. Я от радости визжала и крутила хвостиком. Хотелось, чтобы это продолжалось всегда, но, к сожалению, этого не случилось, и я проснулась от резкого толчка в бок. Тэд больно толкнул меня ногой:

– Вставай, всю жизнь проспичь! Поешь, и начнем учить команды, – произнес Тэд. В руках у него была короткая резиновая палка.

– Начнем с простых: «сидеть», «лежать»... Неисполнение – получаешь удар палкой.

Вот так началась моя жизнь у нового хозяина.

Четыре месяца прошли в ежедневной дрессировке – так Тэд называл наши занятия. Несмотря на частые побои, я быстро росла, взрослела. Старалась быть послушной. Потихоньку забывалась жизнь у Костоса, и я начала преданно служить новому хозяину. Выполняла все его команды, была послушной. Иногда даже преданно лизала ему руки. Он не любил этого, и я получала за свою ласку удар палкой.

– Мне твои нежности не нужны, ты просто должна преданно служить мне. И защищать меня, – говорил мне Тэд.

Я покорно слушалась.

В один из дней Тэд взял ружье и крикнул мне:

– Арчи, ко мне!

Я тут же помчалась на зов хозяина. Тэд погладил меня по холке, что было необычно с его стороны, и произнес:

– Наступила пора изучать охотничье мастерство. Идем со мной!

Я, завилыв хвостом, подпрыгнула от радости и побежала за хозяином. Долго шли незнакомыми мне тропами. Я запоминала каждый кустик, каждый запах. Наконец хозяин остановился на небольшой полянке, приказал мне сидеть и, вскинув ружье, нажал на курок. Раздался невероятный грохот, я в испуге бросилась в ближайшие кусты.

– Ко мне! – громко крикнул хозяин. Пересилив страх, я послушно вернулась к ногам хозяина. Раздался второй выстрел, третий, четвертый... Поборов страх, я смиренно сидела у ног хозяина.

– Молодец! – похвалил меня Тэд.

Затем, раскрыв сумку, вытащил какую-то мертвую птицу и дал мне понюхать:

– Запомни этот запах и по моей команде ищи такой же.

Спрятав птицу в сумку, он посмотрел по сторонам и произнес:

– Ищи, Арчи!

Я тут же принялась исполнять его приказ. Побежала влево – ничего, вправо – нет запаха, начала углубляться в лес. Хозяин на небольшом расстоянии следовал за мной. И вдруг за пригорком я учуяла слабый знакомый запах птиц. Я помчалась в ту сторону, и вдруг неожиданно передо мной в небо взметнулись две большие птицы. Так же неожиданно раздался взрыв, потом другой. Птицы одна за другой упали недалеко от меня.

В азарте я бросилась на одну из них и начала рвать и тут же услышала крик хозяина:

– Арчи, ко мне!

Схватив птиц, я помчалась к хозяину.

– Молодец, Арчи! – забрав птиц, хозяин потрепал меня по холке и похвалил. – А у тебя неплохо получается, молодец! Вот, держи, – он вытащил из кармана кусочек вяленого мяса и бросил мне.

Я на лету поймала лакомство и тут же его проглотила.

В этот день мы охотились до сумерек. Набили много птицы, и я, несмотря на усталость, была довольна и счастлива. Наконец-то я стала настоящей охотничьей собакой и у меня есть настоящий хозяин Тэд. Хоть и строгий, но хозяин. И я преданно буду служить ему и защищать его. Ушло в прошлое детство, Костос, который предал меня за шуршащие бумажки.

Я нашла свое призвание и буду сама добросовестно зарабатывать себе на пропитание. Так началась моя взрослая жизнь.

Проходили дни, кончилась осень, наступила зима. Зимой мы часто охотились за зайцами. Это было еще более азартно. Весной снова за птицами. Однажды после полудня мой хозяин решил передохнуть на полянке. Поев и покормив меня, он прилег под деревом. Чтобы не мешать хозяину, я отошла и легла неподалеку под кустиком. Тэд мирно дремал, я лежала, прикрыв глаза и охраняя его, чутко прислушивалась к происходящему вокруг.

Через какое-то время я услышала незнакомый шорох. Открыв глаза, увидела ползущую в сторону Тэда крупную змею. До хозяина оставалось два-три метра. Резко вскочив, я бросилась в ее сторону и крепко вцепилась зубами в шею. Длинное тело змеи начало извиваться, обхватывая мое туловище и ноги. Сжимая змею все крепче и крепче, я мотала ее из стороны в сторону и продолжала сжимать, даже когда все ее длинное тело безжизненно обмякло.

От шума проснулся хозяин и, увидев меня со змеей в зубах, восторженно произнес:

– Ну ты, Арчи, молодец, ты ведь спасла мне жизнь! Это же самая ядовитая змея в этих местах. И я впервые вижу собаку, которая, рискуя своей жизнью, так мужественно бросилась спасать своего хозяина. Молодчина! Вот тебе мясо, ешь и отдыхай, – и он нежно потрепал мне холку.

Я была горда и счастлива.

– Я всегда буду тебя охранять и спасать, – подумала я и преданно прижалась к его ногам.

В этот раз на охоту решили идти большой группой. С Тэдом были его знакомые охотники, приехавшие с Кавказа. Мне почему-то они сразу не понравились, но это были гости хозяина и я должна была быть с ними послушна.

Среди них выделялся огромный плохо пахнувший рыжий мужчина с небритым лицом и большим красным горбатым носом. Перед походом в лес Тэд пригласил гостей позавтракать. Демонстрируя свое гостеприимство, он накрыл богатый стол: свежие салаты, отварное мясо, жареный сыр халуми, яичница, свежие фрукты, парное молоко и многое другое.

– И что это за завтрак без выпивки, – вдруг заржал Рыжий, садясь за стол и, помахивая указательным пальцем в сторону Тэда, продолжил с акцентом, – нэ хорошо, хазяин...

– Так перед охотой у нас выпивать не принято, – пытался возразить Тэд.

– Да мы немного, для поднятия, так сказать, тонуса, – поддержали Рыжего его друзья.

Налили по одной, по другой, третьей... Захмелели. Начался галдеж. Каждый хвастался своими удачами на охоте. Рыжий ехидно подшучивал над Тэдом:

– А у вас тут вообще есть по кому стрелять? Дичь хоть какая-нибудь есть?

– У нас в это время лучшая охота на куропаток, – оправдывался Тэд.

– Ну, смотри, дорогой, не будет дичи, уьем и съедим твою собаку, – зло пошутил Рыжий и громко заржал.

Приятели громким смехом поддержали Рыжего.

Толпа, шумно разговаривая, двинулась в сторону леса. Я, немного напуганная таким обществом, бежала сбоку.

Еще не дойдя до леса, Рыжий снял с плеча ружье и дважды выстрелил в воздух.

– Ружье проверяю, давно с него не стрелял, – пояснил он Тэду.

Друзья, словно сговорившись, начали палить в воздух.

– Так вы всех птиц распугаете, – пытался урезонить охотников Тэд.

– А куда им деваться? Ваш остров можно пешком за день обойти, – опять ехидно заржал Рыжий.

И, как всегда, приятели шумно поддержали его.

Подошли к лесу.

– Арчи, ищи! – приказал хозяин.

Я привычно начала выискивать знакомые запахи. Но птиц не было. Я понимала по запаху, что они только что были здесь, но выстрелы и шум спугнули их. После двух часов бессмысленных поисков Рыжий ехидно упрекнул Тэда:

– Ну что, дорогой, где твоя обещанная дичь? Придется тебе с собакой расстаться... Да и зачем тебе такая собака, которая не может птицу поднять, – и все снова заржали.

Сели на полянке, как раз у того дерева, где я хозяйина от змеи защитила. Разложили закуски, выпивку. Я внимательно осматривала территорию – а вдруг опять змея. Хотя при таком шуме вся живность на несколько сот метров разбежалась. Пили за хозяина, за гостей, за Кипр, за друзей, за неудачную охоту. После двух-трех часов усталый и захмелевший Тэд задремал у дерева. Пьяные приятели решили пострелять.

– Ну что, Ваню, слабо с 50 метров вон в то дерево попасть? – обратился к Рыжему один из охотников.

– Почему в дерево? Я обещал Тэду застрелить его собаку в случае неудачной охоты, вот и застрелю, – Рыжий, шатаясь, поднялся, взял ружье и прицелился в меня. Грохнул выстрел. Резкая боль пронзила мое тело. Я упала, истекая кровью. Приятели громко заржали.

– Смотри-ка, попал! Добивай уж вторым.

Рыжий снова поднял ружье. Превозмогая боль, я быстро отползла за ближайший куст, раздавался выстрел.

– Перезаряжай, она еще жива, – загалдели приятели.

Чувствуя опасность, я на трех лапах – четвертая была перебита – двинулась в заросли и затаилась в густом кустарнике. Охотники разбрелись по лесу, началась беспорядочная стрельба. Я дрожала, тяжело дыша. Когда стрельба прекратилась, поползла в сторону ближайшего жилища, которое определила по еле слышному запаху дыма. Боль, обида на людей, тревога за хозяина – все перемешалось у меня в голове. И тем не менее я понимала, что только люди могут меня спасти.

Путь мой был долог и труден, я часто останавливалась, зализывала раны и снова ползла. Наконец на третьи сутки увидела жилище и потеряла сознание. Очнувшись от прикосновения теплых, ласковых рук. Открыв один глаз – другой был ранен, – я увидела пожилую женщину. Рядом с ней стоял мужчина.

– Ну что, бедняжка, очнулась? Кто же тебя так отделал? Ну, ничего, сейчас мы отвезем тебя к доктору, он тебя подлечит, обработает твои ранки, потом мы тебя покормим, и ты пойдешь на поправку. А сейчас попей вот молочка. Теперь ты ничего не должна бояться, мы тебя в обиду не дадим.

У меня не было сил даже молока попить. Женщина влила мне в рот несколько ложечек молока, затем они аккуратно уложили меня на сиденье машины, и мы поехали. Ветеринарная служба была в соседнем поселке, и скоро я уже лежала на операционном столе. Добрый доктор осмотрел мои раны, поцокал языком, заботливо погладил меня по холке и произнес:

– Ну и угораздило тебя, малышка... Но не волнуйся, мы тебя вылечим. Ты только держись!

Медсестра сделала укол, и я уснула. Доктор умело вытащил все дробины – а их было восемь – тщательно обработал и перевязал все раны.

Очнувшись я только утром. Страшно хотела есть, и мои спасители, словно почуяв это, бережно накормили меня вкусно сваренным и протертым мясом. Поев и попив молока, я снова

уснула. Мне снилась добрая женщина Дэнка – так звали незнакомку, ее муж Крис. Снились луга, по которым я бегаю, гоняя птичек, леса с их неповторимыми запахами сосны, кедра и барбариса. И вдруг появились Тэд и его друзья. Я вздрогнула и проснулась. Дэнка нежно гладила мою лапу, и я благодарно лизнула ее руку, а одним глазом – другой был перевязан – преданно заглянула ей в глаза. И увидела нежность и заботу:

– Ну что ты так дрожишь? – произнесла Дэнка. – Все хорошо, ты в безопасности, успокойся и спи, тебе надо отдыхать после операции.

Хотелось вскочить, бегать вокруг спасительницы, подпрыгнуть до ее лица и лизнуть ее славную щеку. Но слабость в теле мешала даже пошевелиться, и я снова уснула.

Лечение длилось более трех недель: мы много раз навещали нашего доброго доктора и славную медсестру. В третье посещение доктор сказал Дэнке:

– У вашей собачки в ухе зашит чип с информацией о ней и ее хозяине. Мы должны считать информацию и в соответствии с законодательством нашей страны проинформировать хозяина о ситуации.

Я видела, как заволновалась Дэнка, как побледнел Крис, а мне, несмотря на доброту моих новых друзей, хотелось узнать, что же случилось с моим хозяином, жив ли он, почему он после первого выстрела не стал меня спасать.

Доктор поднес к моему уху какой-то прибор, соединенный с компьютером, и на экране устройства замигали какие-то слова. Он внимательно начал изучать их, после чего набрал номер телефона. Я встрепенулась, завертела радостно хвостом, издали услышав знакомый голос Тэда. Доктор представился, объяснил Тэду ситуацию и о чем-то начал спрашивать его.

Разговор был недолгий, и через две минуты доктор отключил телефон.

– Ну что? – тревожно спросила Дэнка. – Что он сказал?

– Он сказал, что ему не нужна одноглазая собака с перебитой лапой, и что мы можем с ней делать все что угодно, даже усыпить...

– Вот паразит! – возмутилась Дэнка и передразнила: – «Даже усыпить». Нет уж, изверг! Мы вылечим тебя, моя хорошая.

– Тогда вы должны дать ей новое имя и назвать имя нового хозяина. Мы ее зарегистрируем и в следующий ваш приход закодируем эту информацию в чип.

– Вот и замечательно! Сегодня приезжает наш хозяин, и мы все решим, – обрадовалась Дэнка.

Когда мы вернулись на виллу, нас уже ждали хозяин виллы Вячеслав и его жена Галина.

– Ой, какая хорошая собачка... – встретила нас хозяйка. – И как тебя зовут, моя хорошая? Что с тобой случилось?

Дэнка долго и подробно рассказывала о случившемся со мной. Я в это время знакомилась с моим новым хозяином. Он оказался добрым и хорошим человеком. Заглянув в холодильник, сразу же вытащил кусок вареного мяса, и я с удовольствием съела его прямо с рук хозяина.

– Ну вот, давай знакомиться, тебя как зовут?

– Маруся! – неожиданно произнесла хозяйка. И повторила: – Маруся, Маруся, тебе нравится? – обратилась она ко мне.

Я в знак согласия радостно завиляла хвостом.

Так я стала Марусей!

Мы все очень подружились. Мои раны зажили, нога срослась и не мешает мне быстро бегать. Я окрепла и приобрела прежнюю форму. Теперь я часто гуляю с хозяином в окрестностях поселка, хозяйка балует меня разными вкусностями, а когда она отдыхает в кресле в саду под яблоней, мне нравится лежать у ее ног.

С Дэнкой и Крисом мы ухаживаем за садом и огородом. Я сломя голову бегаю по тропинкам между деревьями, а Дэнка по-доброму ворчит на меня:

– Осторожней, Маруся! Осторожней!

Думаю, что это имя останется у меня на всю жизнь!

Вот такую историю о своей собачьей жизни рассказала Насте наша славная Маруся, а я переписал ее и рассказываю вам.

Орлы и люди

Птица с грустными глазами

Эта удивительная история произошла на острове Кипр, в пригороде красивейшего города Лимасол. Мы с женой Настей отдыхали в уютном доме на берегу моря. Погода стояла великолепная: голубое небо, яркое солнце, чистойшая теплая вода. Выходные решили провести в древней горной деревеньке, куда нас пригласил кипрский друг Петрос. В горах находился родительский дом, и он любил приезжать туда с друзьями на уик-энд. Петрос предложил нам поучаствовать в приготовлении шушуки – это орешки, нанизанные на нить, которые сначала опускают в специально приготовленный виноградный сок, а затем вялят. Получается очень вкусно! Было здорово, и время пролетело незаметно. Домой мы вернулись поздно, усталые, но довольные, и сразу легли спать.

Вдруг среди ночи, часа в два, раздался громкий и резкий стук в окно. Не понимая, что происходит, мы выскочили на балкон (спальня была на втором этаже). Однако, посмотрев вниз, ничего не увидели.

– Странно, – сказал я. – Что бы это могло быть?

– Я теперь не засну, – произнесла Настя. – Думаю, кто-то хочет нас ограбить.

– Ветер, наверное, – попытался я успокоить жену. – Спи, не бойся. Я с тобой!

– Ветер не может так стучать в окна, – настаивала Настя.

Я и сам это понимал.

Через какое-то время мы все же уснули.

Не прошло и полчаса, как стук повторился, еще более требовательный и настойчивый. Я осторожно приоткрыл дверь, и все стихло.

Выйдя на балкон, я увидел невероятную картину: под козырьком, уцепившись за раму окна, сидела, а точнее висела, огромная птица с распростертыми крыльями. Заметив меня, она стала биться в стекло с удвоенной силой. Размах крыльев – более семидесяти сантиметров, звуки жуткие. Я попытался прогнать незваную гостью, но не тут-то было. Отпустив раму, птица резко взлетела, задев меня крыльями, и попыталась влететь в комнату через приоткрытую балконную дверь. Я едва успел вернуться в спальню и захлопнуть дверь.

– Что это за птица? И почему она так рвется в комнату? – недоумевали мы.

– Похоже, это орел, – предположила Настя.

– Откуда здесь орел? – засомневался я. – Орлы на Кипре редкость, и живут они в горах, а не у моря. И зачем ему понадобилась наша комната?

– А ты его спроси, – недовольно ответила жена. – Сделай что-нибудь! Он же будет всю ночь стучать и окно разобьет.

Будто услышав ее слова, птица ударила в стекло еще сильнее. Взяв швабру, я снова вышел на балкон, полный решимости прогнать возмутителя спокойствия.

Увидев швабру, жена крикнула вдогонку:

– Ты только не бей ее, а аккуратно прогони!

– Уж как-нибудь соображу, – бросил я на ходу.

Словно почувствовав угрозу, птица оставила раму в покое и, смиренно сложив крылья, забила под кресло в углу балкона.

– Ладно, ночуй здесь! Только больше не стучи, договорились? – сказал я ей.

В знак согласия она легонько порхнула крыльями и почти до пола опустила огромный, слегка загнутый клюв.

– Вот и хорошо, – произнес я умиротворенно.

Мы снова легли спать. Конец ночи прошел в тишине.

Утром я сразу выглянул на балкон: птица сидела на том же месте и смотрела на меня грустными испуганными глазами.

– Как спалось, подруга? – пошутил я. – Расскажи, что с тобой случилось?

Ответом было молчание и настороженный взгляд.

Птица не сопротивлялась, когда я взял ее на руки. Она оказалась тяжелой – килограмма четыре, а то и больше – в ее теле чувствовалась невероятная мощь.

– Точно орел, – сказал я, вынося гостью на улицу.

Ко мне сразу подбежали соседи-киприоты.

– Орел, орел! – загалдели они. Все старались погладить птицу, а та вздрагивала от каждого прикосновения.

– Раз ты орел, лети на свободу, – и я подбросил его в воздух.

Взмахнув мощными крыльями, орел взметнул в небо. Покружив над нашим домом минут пять, он стал снижаться и через какое-то время скрылся в районе балкона соседнего жилища.

– Теперь будет там стучаться, – пошутил я.

Народ стал потихоньку расходиться. И вдруг от соседнего дома в небо взмыли две мощные птицы: наш знакомый и особь поменьше, видимо, его подруга. Делая сложнейшие пируэты, орлы направились в горы...

Людмила

Через неделю к нам зашла Людмила, жившая в соседнем доме, и пожаловалась:

– Представляете, уехала всего на три дня, и за это время кто-то разбил окно и украл у меня орлицу. Три дня! А я оставила ей корма на целую неделю. Моя бедная Ора! Кому она понадобилась? Что я скажу Рустаму? Я уже и в полицию заявила, но они говорят, что нет никаких следов. Мол, птица сама разбила стекло и улетела. Ну как такое возможно?

– Вы давно здесь живете? – перебила соседку Настя. – И кто такие Рустам и Ора?

– Сюда мы переехали два месяца назад, а до этого жили с мужем в деревне, недалеко от Троодоса. Вообще на Кипре уже три года. Рустам – это мой муж, а Ора – любимая орлица.

Настя как могла успокаивала Людмилу и пригласила ее на чашку чая. Гостья начала рассказывать о своей жизни:

– Родилась я на Украине, в городе Донецке, в рабочей семье. После школы уехала в Киев и поступила там в кулинарный техникум. Закончила его с отличием, но устроиться по специальности не удалось, и я стала работать официанткой в кафе.

Однажды вечером, уже после моего увольнения, в комнату, где мы жили с подругой, постучали. Открыв дверь, я увидела мужчину с огромным букетом полевых цветов: «Здравствуй, Людмила, – робко произнес он. – Это тебе...» Я сразу вспомнила недавнего посетителя кафе и ответила: «Здравствуйте!»

Так мы познакомились с Рустамом.

Красивое ухаживание продолжилось. Мы полюбили друг друга и через два месяца поженились. Затем был неудачный бизнес и отъезд на Кипр. Здесь купили маленькую ферму и стали вести хозяйство. Первое время мы были вполне счастливы. Но потом я начала скучать по городской жизни. Однако муж и слышать не хотел о переезде в город: «Что я там буду делать? Опять на стройку? Смотри, какая здесь красота: горы, леса, озеро рядом, птицам нашим простор. А воздух какой чистый!» Но я, глупая, капризничала. После очередной ссоры прихватила орлицу и ушла, устроилась работать поваром в дом рядом с вашим. Хозяева выделили мне комнатушку, там и живу. Только здесь я поняла, как плохо быть одной. В этом городе среди

людей я чувствовала себя абсолютно одинокой. Ведь я очень любила и люблю мужа. И без него я не могла быть счастлива... Ора немного скрашивала мою жизнь, но теперь и ее украли...

Рустам

После рассказа Людмилы мне захотелось встретиться с ее мужем Рустамом и побеседовать. Внутреннее чутье подсказывало, что знакомый орел и его подруга находятся в загородном доме. Мне очень хотелось с ними снова встретиться.

И вот в один из выходных, взяв у Людмилы адрес, я отправился в горы. Дорога была извилистая, но мой джип упрямо двигался вверх. Чем выше, тем сильнее менялись климат и природа вокруг: в горах температура ниже, чем на побережье, градусов на семь; по обе стороны от дороги – кедры и сосны, цветущие кустарники, сады с ароматными лимонами и апельсинами да рубиновыми гранатами; пышно цвела бугенвиллея.

На пороге маленького деревенского дома меня встретил мужчина средних лет. По всем приметам это и был Рустам: высокий, с черной, поблескивающей сединой шевелюрой, карими глазами и доброй улыбкой.

– Заходи, дорогой, не стесняйся! – услышал я громкий голос с приятным узбекским акцентом. Было видно, что мне действительно рады.

– Я – Рустам, а ты, судя по всему, Виктор.

Рукопожатие было крепкое, мужское.

– Вы уж извините... – начал я, но он перебил:

– Никаких извинений, дорогой! И давай сразу на «ты». Что пить будешь? У меня великолепные собственные вина. Я здесь все сам делаю: выращиваю виноград, давлю оливковое масло, а сыр какой – пальчики оближешь! Но моя красавица Людмила не захотела жить в деревне – говорит, скучно. Какое скучно?! Смотри: горы, леса, сад. И мои любимчики летят: он показал на небо, где парила пара красавцев орлов.

– Это Орр и Ора, – ласково произнес Рустам. – Они всегда со мной. С тех пор, как мы поженились с Людмилой.

Разговаривая со мной, Рустам одновременно накрывал на стол: появились бутылки красного вина, местная виноградная водка с красивым названием «Зивания», свежие фрукты, сыр халуми, домашние колбаски, греческий салат и сладости. Все свежее, домашнее.

– Со своей супругой, – продолжал гостеприимный хозяин, – я познакомился в Киеве, куда приехал работать на стройку. На родине, в Узбекистане, на тот момент была полная нищета. Некогда богатый совхоз развалили, землю поделили бывшие работники райкомов и обкомов. Зарплату не платили. Вот и пришлось ехать на Украину – строить местным чиновникам и бизнесменам загородные виллы. Я заработал немного денег и хотел вернуться домой. Но перед отъездом мы с земляками зашли в кафе, и там я увидел чудесное создание: стройную блондинку с подносом в руках. Настоящая красавица! И я потерял голову. Сразу понял, что никуда не уеду – это судьба, девушка моей мечты. В тот день мы и парой слов не обмолвились, но я спросил, как ее зовут.

– Людмила, – ответила она спокойно.

На следующий вечер я пришел в кафе с букетом цветов. Заказал кофе и ждал, когда выйдет Людмила. Но кофе принесла другая официантка.

– Вы не подскажете, где Людмила? – осторожно поинтересовался я.

– Она больше у нас не работает, – язвительно ответила женщина и, явно заигрывая, добавила: – Букет, случайно, не мне?

– Не вам, – растерянно произнес я. – А что с Людмилой?

– Слишком гордая была, – презрительно фыркнула официантка и, покачивая бедрами, удалилась.

Выяснилось, что хозяин кафе, пожилой грузин, вечером предложил Людмиле переспать с ним, а получив отказ и пощечину, сразу уволил.

С трудом узнав адрес Людмилы – она снимала комнату в двух кварталах от моего жилища, – я отправился к ней. Не буду вдаваться в подробности, но мы полюбили друг друга. Через два месяца поженились, сняли небольшой домик за городом и начали счастливо жить. Я работал бригадиром на стройке, а Людмила устроилась в хороший ресторан. За два года мы накопили денег и открыли свой небольшой и уютный ресторан. Детей не завели, но зато купили парочку великолепных орлов – Орра и Ору. Произошло это случайно: когда шли подавать заявление в загс, увидели фотографа с двумя птицами, которые помогали привлекать клиентов.

– Какие великолепные птицы, – восторженно произнесла Людмила.

– Можете купить, готов отдать в хорошие руки, – неожиданно произнес молодой и задорный парнишка-фотограф. – Я поступил в институт в Санкт-Петербурге и через неделю улетаю. Птиц жалко, но взять их с собой я не могу. В большом городе им не место. А в хорошие руки отдам. Они у меня доверчивые...

– Давай заберем, Рустамчик! – захлопала в ладоши Людмила.

– С тех пор они с нами как символ любви. Мы очень привыкли друг к другу и живем как одна семья... – Рустам что-то прокричал в небо, и птицы начали медленно опускаться. – Возвращаясь к нашему ресторану... Дела шли нормально, но месяца через три после открытия явились отморозки рэкетиры со словами: «Платите, господа буржуи! Мы – ваша "крыша"!». Я их послал. А через неделю ресторан сожгли. Хорошо, что мы успели застраховать бизнес и получили солидную компенсацию. Однако после этого случая я понял, что в этой стране бизнес делать нельзя. Мы с женой оформили необходимые документы и улетели на Кипр: страна маленькая, но законы соблюдаются, бизнес приветствуется и находится под защитой государства. Купили небольшую ферму в горах и стали спокойно жить. А птицам-то какое раздолье! Но Людмила заскучала и решила уехать в город...

Ора

Ора была страшно недовольна, когда хозяйка посадила ее в корзину и увезла в неизвестном направлении. Жизнь в маленькой комнатухе оказалась настоящей тюрьмой для орлицы: ее прятали от людей и не давали летать. Но самое главное – рядом не было ее любимого Орра. Сидя взаперти, она вспоминала, как они вместе летали и учились охотиться, было весело и кругом царилась любовь. Замечательные времена! Но потом хозяева начали ссориться и кричать друг на друга. Хозяйка куда-то уезжала на несколько дней, а хозяин ничего и никого не замечал. Порой он один всю ночь пил вино и спал, уронив голову на стол. Хозяйка возвращалась, и жизнь опять становилась прекрасной. Но однажды она уехала насовсем, поселилась в маленькой комнатухе и забрала с собой Ору.

Ора часто звала своего друга. День проходил за днем, а он все не прилетал. Последние три дня хозяйки не было дома. Ора не спала вторую ночь, в горле першило от криков и обиды на всех: хозяев, которые бросили ее одну взаперти, и друга, который забыл. Собрав последние силы, орлица издала очередной пронзительный крик и вложила в него все свое отчаяние, мольбу о помощи и призыв к любимому.

Орр

Уже много дней Орр жил один. Рядом хозяин, но не было главного – Оры. Он часто поднимался высоко в небо и кружил в надежде увидеть любимую. Пытался звать ее понятными лишь им двоим сигналами, но в ответ – безмолвие. Каждый вечер Орр возвращался домой один, снедаемый грустью, тоской и одиночеством. Даже успокаивающие слова хозяина не при-

носили облегчения. Орд понимал, что тому не легче – вместе с Орой исчезла и хозяйка. Поздними вечерами он внимательно наблюдал, как хозяин в задумчивости сидел один за столом. Днем приходили люди, и дом наполнялся жизнью, но вместе с темнотой возвращалось отчаяние.

«Надо любыми путями найти Ору и хозяйку», – решил Орд, взмахнул широкими крыльями и исчез в небе. Надвигались сумерки, но орел продолжал парить. И вдруг неожиданно для себя повернул в сторону моря: ему показалось, что он слышит зов подруги. Каким-то невероятным образом Орд чувствовал – Ора совсем рядом. Он кружил в полной темноте над домами. В одном из них зажегся свет, и в этот момент Орд отчетливо услышал призыв орлицы.

«Она там!» – его сердце часто забилося, и он бросился в сторону светящейся точки.

Стекло Орд заметил поздно, успел затормозить, но удара не избежал. Не обращая внимания на боль, он уцепился мощными когтями за раму и стал яростно бить крыльями, надеясь разбить окно и выпустить на свободу подругу. На балкон вышли напуганные его появлением и ударами по стеклу люди. Но Людмилы не было! Затем мужчина попытался его прогнать.

«Значит, Ора в комнате», – решил Орд и, отпустив раму, ринулся в проем. Но дверь балкона захлопнули перед самым его клювом, и он остался один. Прошло какое-то время, разговоры в комнате стихли, свет погас, и воцарилась тишина.

«Что делать?» – Орд пробрался в угол балкона и затих. И вдруг – снова знакомый звук. Он мгновенно уцепился за раму и принялся с новой силой бить по стеклу: «Она там! Ее нужно освободить любой ценой!»

На балконе опять появился мужчина, который явно пытался его успокоить. Повинуясь убаюкивающей интонации, Орд сложил крылья и заковылял в угол.

«Может, и правда дождаться утра?» – подумал он.

Ближе к рассвету уснул. Разбудил птицу звук шагов. Орд попытался взмахнуть крыльями и улететь, но ножки кресла, под которое он забрался, не позволили это сделать. Подошел мужчина, взял его на руки и вынес на улицу. Орд не сопротивлялся. Его легонько подбросили, и вот она – свобода!

Сделав несколько кругов над домами, Орд опять услышал призыв Оры и понял, что звук доносится с балкона соседнего дома. Снизившись, он сел на балкон и увидел через стекло подругу. Какое-то время они переговаривались на только им понятном языке, затем Орд уже знакомым приемом уцепился за раму окна и, расправив крылья, изо всех сил ударил по стеклу. Стекло не выдержало такого сильного удара и разбилось на мелкие осколки. Ора свободна!

Птицы взмыли в небо и, кружась в радостном танце, полетели в сторону гор к хозяину.

Заговор орлов

Орд и Ора вместе уже пятый день, а хозяин мрачнее тучи. Он заметил, что птицы «болтают» о чем-то, будто готовят заговор.

– Уж не думаете ли вы, ребята, улететь от меня? – спросил Рустам.

В ответ – молчание.

– Да нет... Вы у меня умные, не улетите, – успокаивал себя мужчина. – Но что мне делать? Не могу я без Людмилы, пропаду...

В этот момент орлы поднялись в небо и направились в сторону моря, призывая хозяина следовать за ними.

– Нет, ребята! Она сама ушла, сама должна и вернуться.

Покружив над морем, птицы вернулись.

– Вы же возвращаетесь! А Людмилы нет...

Орр сел на руку Рустама и сильно сжал ее когтями, словно говоря: «Ты – мужчина и должен уметь прощать, ты должен спасти свою подругу. Освободи ее и верни домой! Я же сделал это, а ты?..»

Птицы снова улетели, теперь надолго. Перевалило за полдень, а их все не было.

– Неужели они отправились к Людмиле? – подумал Рустам и решился. – Я должен пойти к ней и уговорить вернуться!

Он сел за руль внедорожника и дал газу. Всю дорогу думал: «Где я ошибся? Что я сделал не так? Эх, Людмила, Людмила... Я же люблю тебя! Почему ты меня не понимаешь?»

Людмила увидела парящих в небе птиц, и ее сердце защемило. Она догадалась, кто разбил стекло и увел Ору.

«Какой молодец Орр, – подумала Людмила. – Прилетел и увел любимую. Вот это джигит! Почему же ты не идешь, мой славный Рустам? Но ведь и Ора не молчала, каждый день звала друга, рвалась к нему. И он услышал ее зов. А я, дура, сижу сложа руки и жду. Надо немедленно возвращаться!»

Людмила быстро собралась и поехала в горы вслед за медленно летящей парочкой орлов к Рустаму.

Они целовались на тропинке, ведущей к дому, потом кружили среди цветов на лужайке и снова целовались... И наконец пришли ДОМОЙ!

А высоко в небе над ними парили две великолепные птицы – счастливые Орр и Ора.

Возвращение к жизни

Рабочий день подошел к концу. Виктор Антонович, как обычно, навел порядок на столе, попрощался с секретарем и спустился вниз, к машине.

Стояла прекрасная июльская погода – было тепло, тихо, остывающее солнце медленно катилось за горизонт... Настроение было под стать умиротворенной природе. Сев за руль, Виктор Антонович не спеша поехал к дому. Ему нравилось водить машину, и он легко ориентировался в лабиринтах Васильевского острова, хранившего память петровских времен: параллельные линии вместо улиц, Большой, Средний и Малый проспекты.

Виктор Антонович любил свой город, но жить предпочитал за городом, в красивом уютном коттедже. Дома его ждала жена, с которой они счастливо жили уже более 20 лет. Сын уехал в деревню к бабушке помогать по хозяйству – он любил проводить каникулы в деревне. Все было хорошо. Без мелких неурядиц, конечно, не обходилось, но в целом жили спокойно, дружно и в достатке. Когда-то по молодости ютились в общежитии, питались чем придется, но за два десятилетия совместными усилиями и с божьей помощью обжились. Теперь вот и дом, и машина...

Впереди замаячил красный сигнал светофора, и Виктор Антонович плавно остановился. Вдруг в окошко постучали. Опустив стекло, он увидел неопрятно одетую пожилую женщину с испитым лицом и давно невымытыми волосами.

– Помогите, ради Христа! Дайте хоть что-нибудь, – тихо произнесла она, протягивая трясущуюся руку.

В голосе женщины слышалась такая безнадежность и тоска, что у Виктора Антоновича сжалось сердце. Он полез в карман за мелочью, затем внимательно посмотрел на лицо попрошайки. Невероятного голубого цвета глаза не просто просили подаяния, они молили о сострадании и человеческом участии. Даже жуткий внешний вид женщины и кажущееся безразличие не могли скрыть вызов, который она каждый день бросала своей судьбе.

Загорелся зеленый, и сзади начали сигналить.

– Идите на ту сторону, я вас там подожду, – неожиданно для себя самого и еще не зная, что станет делать, произнес Виктор Антонович и тронулся с места.

Миновав перекресток, он остановился, ожидая женщину.

– Садитесь в машину, – предложил Виктор Антонович, открывая заднюю дверь. – Расскажите, что случилось. Хотя для начала вам нужно поесть, а потом уже поговорим.

Остановились у ближайшего кафе. Официант недоверчиво покосился на женщину, затем перевел недоуменный взгляд на Виктора Антоновича, но заказ принял.

– Не могли бы вы заказать мне рюмку водки? – несмело попросила женщина, пряча глаза.

Подумав немного и видя ее трясущиеся руки, Виктор Антонович выполнил просьбу, но предупредил:

– Одну, не больше!

Выпив и закусив, женщина ровно и неэмоционально стала рассказывать:

– Зовут меня Анастасия Королева. Я родилась в Новгородской области, была поздним и любимым ребенком. Несмотря на это родители с детства приучали меня к труду. Уже в девятом классе я шила себе и подругам модные платья, юбки, кофточки, причем по собственным выкройкам. После школы я мечтала уехать в Ленинград и работать в модном ателье. Так и сделала. Получив аттестат зрелости, отправилась в Санкт-Петербург (к тому времени городу

вернули историческое название), поступила в техникум и получила специальность «дизайнер-модельер по проектированию и пошиву одежды». В это же время я влюбилась в красивого молодого парня, которого звали Петр. Любовь была взаимной, и вскоре мы поженились. В небольшой квартире мужа (подарок родителей) мы счастливо зажили вдвоем. Петр закончил институт и устроился на хорошо оплачиваемую работу. А потом у нас родился Олежка. Что еще нужно для счастья? Мы любили друг друга и нашего сынишку, оба занимались любимым делом. Жизнь была прекрасна, пока не наступил страшный день...

Те выходные мы провели в Финляндии: гуляли в парке, бродили по улочкам Хельсинки, плескались в аквапарке, делали покупки. В воскресенье вечером немного уставшие возвращались домой, в Санкт-Петербург. Ничто не предвещало беды. Петя, соблюдая все правила, спокойно вел машину. И вдруг навстречу на бешеной скорости выскочила иномарка. Муж сделал все возможное, но избежать столкновения не удалось. В итоге он сам и наш Олежка погибли...

Настя разрыдалась и механически ухватила за пустую рюмку. Но довольно быстро взяла себя в руки и закончила:

– Так вот, Петя и Олежка погибли, а я отделалась ушибами и царапинами. Мужа и сына похоронила вместе. И себя тоже, заживо: чтобы хоть как-то заглушить боль потери, стала пить. Родители Петра от меня отвернулись. Кому нужна пьяница? С того дня прошло два года.

– Извините, об этом не принято спрашивать, – сказал Виктор Антонович несмело, – но... сколько вам лет?

– Знаю, я выгляжу старухой, но мне всего тридцать шесть лет, – призналась странная женщина, и Виктор Антонович чуть не поперхнулся.

– У вас есть, где жить? – поинтересовался он.

– Да. Квартира, слава Богу, осталась. Но когда прихожу домой, все напоминает о Петре и Олежке. Я ничего не меняла с момента их гибели. Смотрю вокруг и напиваюсь. И так день за днем.

– А вы хотели бы открыть свой салон по пошиву модной одежды? – вдруг неожиданно спросил Виктор Антонович.

– Не шутите! Посмотрите на меня. Разве я смогу? Кто примет меня всерьез? – с грустью произнесла женщина.

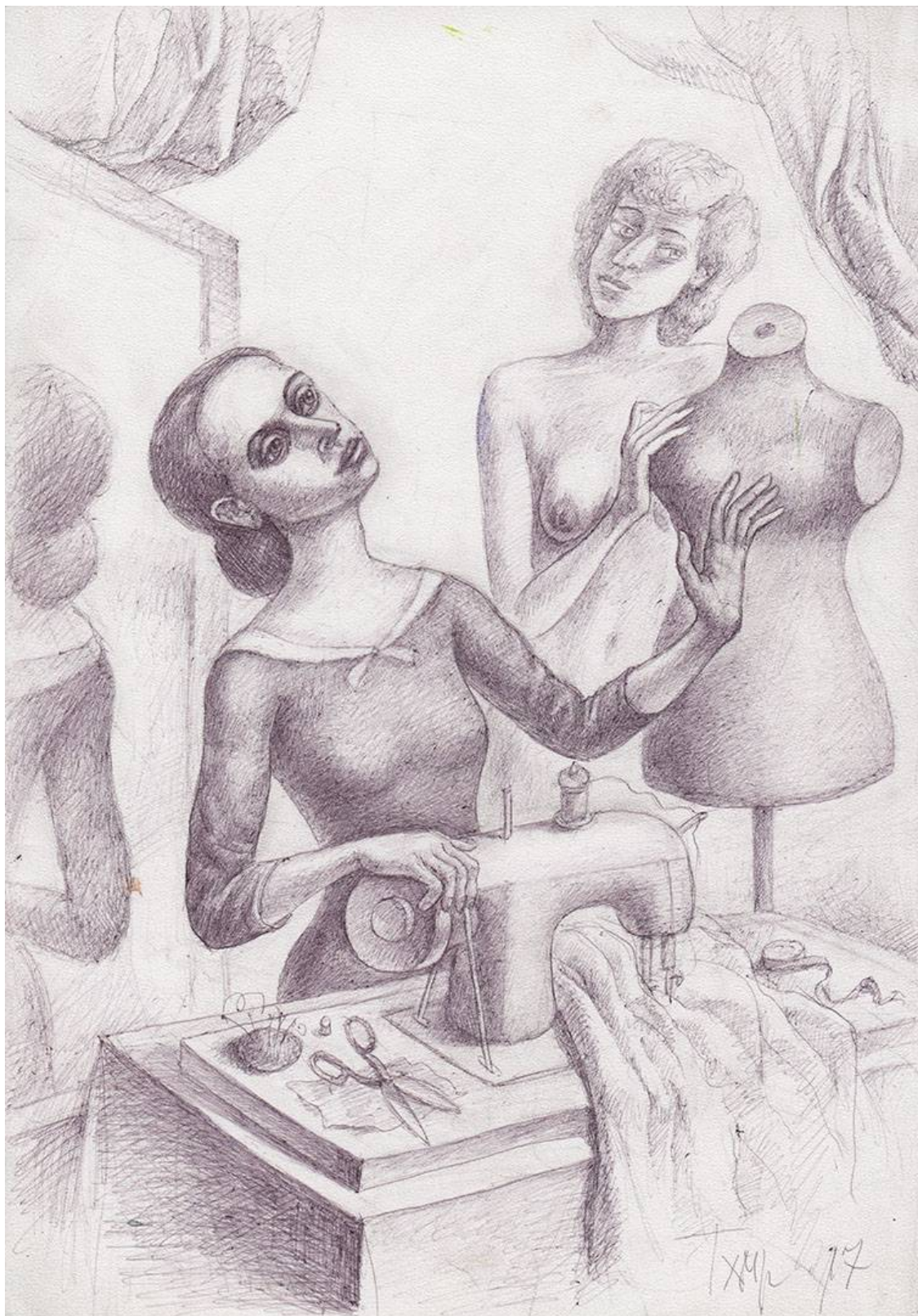
– Я вам помогу. Начнем с главного – с сегодняшнего дня вы не пьете! – глядя прямо в глаза Анастасии, твердо произнес Виктор Антонович. – Домой вы не поедете, нужно сменить обстановку. Сейчас мы отправимся в магазин, купим швейную машинку и ткань. Сошьете себе приличную одежду. Не в лохмотьях же начинать новую жизнь! Затем снимем для вас номер в отеле. За пару дней приведете себя в порядок, а потом обсудим план дальнейших действий. Обещаю, вы откроете свой модный салон: я в вас поверил, поверьте и вы в себя! Но главное – ни капли спиртного! – еще раз твердо повторил Виктор Антонович.

Купив все нужное для шитья и поселив Настю в гостинице, Виктор Антонович пожелал ей спокойной ночи:

– Увидимся послезавтра. Вот номер моего мобильного. Если что – звоните. И ни капли! Слышите?!

Через день, как условились, встретились в том же кафе. Перемена была разительной: рядом сидела абсолютно другая женщина – модная одежда, приличная прическа, легкий макияж. Припухлости и нездоровый цвет лица остались, но вид был уже вполне приличный. Заказали ужин и стали беседовать.

– Огромное спасибо, Виктор Антонович! Благодаря вам я впервые за два года начала думать о будущем. Как только села за швейную машинку, почувствовала, что жизнь возвращается, и я будто заново рождаюсь. И самое главное – я поверила в себя. – Лицо Насти впервые озарила улыбка, а в глазах появился блеск.

Обсудили план действий. К удивлению Виктора Антоновича, Настя оказалась настоящей бизнесвумен:

– Я решила продать квартиру и на вырученные деньги арендовать помещение, купить оборудование и начать работу, – заявила она. – Думаю, должно получиться. Я буду стараться!

– А жить где собираетесь?

– Сниму комнатку. Или еще лучше – прямо в салоне. А когда заработаю, куплю квартиру.
– Прекрасный план! Вот немного денег на первое время. Потом вернете, – пошутил Виктор Антонович. – И про косметический кабинет не забудьте. Вы должны выглядеть соответствующе, от этого будет зависеть бизнес!

Виктор Антонович радовался, что Настя даже не вспомнила про выпивку. Словно угадав его мысли, женщина сказала виновато, но уверенно:

– Не волнуйтесь, с алкоголем я завязала.

И добавила:

– Я упрямая, я смогу! Теперь у меня есть цель, и я добьюсь своего!

На том и расстались. Договорились созваниваться.

Прошло шесть месяцев. Первое время часто встречались и обсуждали текущие дела, которые, кстати, шли неплохо. Затем, когда Настя доказала, что может самостоятельно преодолевать трудности, и успешно наладила бизнес, встречи стали реже. И вот – первый показ мод. Виктор Антонович получил красочно оформленное официальное приглашение на две персоны.

На церемонию пришел со своим другом Андреем, который шесть лет назад развелся с женой и теперь считал себя закоренелым холостяком.

Приехали заранее. Перед показом был организован небольшой концерт и коктейль. Публика собралась разношерстная, поэтому атмосфера была слегка напряженной. Но все с нетерпением ждали кульминации – показ моделей женской одежды нового и еще не известного в светских кругах модельера – Анастасии Королевой.

Наконец свет погас, лучи прожектора осветили подиум и эффектную молодую женщину в супермодном платье:

– Анастасия Королева! – громко объявил ведущий, и зал дружно зааплодировал.

Хлопая в ладоши, Виктор Антонович заметил, как в этот момент загорелись глаза Андрея.

На подиуме показались молоденькие девушки в ярких платьях. Зрители активно обсуждали каждый выход и каждую модель. Комментировала дефиле сама Анастасия. Ее голубые глаза блестели, а лицо озаряла улыбка.

«Неужели это та самая женщина с перекрестка? – радуясь за Настю, думал Виктор Антонович. И сам ответил: – Нет, это другая, заново родившаяся женщина».

Словно уловив мысли Виктора Антоновича, Анастасия вдруг сказала в микрофон:

– А теперь, друзья, разрешите представить человека, благодаря которому все это стало реальностью и который помог мне поверить в себя!

Взяв за руку растерянного Виктора Антоновича, она вывела его на подиум и объявила:

– Виктор Антонович Тарасов!

Затем добавила:

– Настоящий человек! – глаза у Насти были на мокром месте, она чуть не разрыдалась.

Чтобы спасти положение, Виктор Антонович не к месту произнес:

– Настя! Я хочу познакомить тебя со своим другом Андреем.

Потом крикнул в зал:

– Андрей, иди сюда!

Смущенный Андрей галантно поцеловал руку Анастасии и скромно сказал:

– Андрей.

– Настя, – тихо ответила она, улыбаясь.

Гости поздравляли Анастасию с удачным дебютом. Потом начались светские разговоры, которые продлились до позднего вечера...

Свадьба Насти и Андрея состоялась в марте, накануне дня рождения Виктора Антоновича, который вместе с женой и сыном был самым желанным гостем. Да еще и свидетелем со стороны жениха.

Через год у молодоженов родился сын, назвали Виктором...

Рождение песни

Я просил сил... А жизнь дала мне трудности, чтобы сделать меня сильным!

Я просил мудрости... А жизнь дала мне проблемы, для разрешения которых необходима мудрость!

Я просил богатства... А жизнь дала мне мозг и мускулы, чтобы я мог работать!

Я просил любви... А жизнь дала мне людей, которых я полюбил!

Я просил благ... А жизнь дала мне возможности!

Я ничего не получил из того, о чем просил. Но я получил ВСЕ, что мне было нужно!

Притча

Виктор Антонович сидел в кресле летящего на высоте десяти тысяч метров самолета и задумчиво, с еле заметной улыбкой в уголках губ смотрел в иллюминатор.

Мощный Airbus A320 компании British Airways с более чем ста пятьюдесятью пассажирами на борту легко преодолевал путь из Лондона в Санкт-Петербург.

«Свершилось», – радостно и в то же время с легкой грустью думал Виктор Антонович.

Его компания, которую он создал двадцать три года назад, успешно пережила кризис и вот теперь разместила свои акции на Лондонской фондовой бирже, привлекла солидные инвестиции для дальнейшего развития и стала публичной международной компанией.

– Вы – как ледокол «Ленин», – пошутил президент биржи, поздравляя с успехом, – ломаете все представления бизнес-сообщества о развитии российских организаций в сложный кризисный период. Теперь уж точно за вами пойдут другие компании.

В мыслях проносились все проблемы на пути развития: бюрократические барьеры, бандитские наезды, несовершенство законов, произвол чиновников. Но на душе было легко – они сделали это! Сделали благодаря вере в то, что делают нужное дело, благодаря сплоченному коллективу, каждый человек в котором был Личностью с большой буквы. Он верил им, доверял, и они отвечали взаимностью.

Были, конечно, и те, кто говорил: «Не делайте этого. Вы должны думать, как спастись от кризиса. У вас ничего не получится, вторая волна накроет вас... Сворачивайте дело...»

Слабовольные так и сделали: бросили компании и сбежали за рубеж.

Виктор Антонович старался не слушать таких советчиков-благодетелей. И оказался прав.

Ему вспомнилась притча: «Компания лягушек резвилась среди деревьев на опушке леса. Все было прекрасно и всем было весело, пока две лягушки случайно не свалились в глубокую канаву. Скорее даже, это была не канава, а яма с почти отвесными краями и глубиной, практически не оставлявшей упавшим шансов на спасение.

Подобравшись к краю ямы, казавшейся им настоящей пропастью, остальные лягушки кричали своим несчастным товарищам:

– Все, друзья, не тратьте сил понапрасну. Смиритесь со своей участью и прощайте навсегда!

Два лягушонка все же упорно противились намерению похоронить их с такой легкостью. Цепляясь за стенки ямы, они пытались придвинуться хоть чуть-чуть повыше и прыгали, прыгали, прыгали вверх, но тотчас падали вниз.

– Не суетитесь, – громко кричали советчики. – У вас нет шансов выбраться! Умрите достойно, подумайте о вечном, ваши прыжки попросту смешны!

В конце концов после многих сотен прыжков одна из лягушек свалилась на дно бездыханной. Товарищ по несчастью посмотрел на распростертое на дне ямы тело и продолжил свои прыжки с удвоенной энергией.

– Приятель, это нелогично, – кричали прыгуну свесившиеся с края ямы лягушки. – Сохрани силы на достойный уход из жизни!

Прыжок, еще прыжок, и еще, и еще. Вдруг лягушонок, размахивая во все стороны лапками, взлетел над краем ямы и плюхнулся в траву. Его тотчас же окружили остальные лягушки. Они изумленно смотрели на чудом спасшегося товарища, некоторые терли глаза, не веря тому, что видят перед собой, другие же сразу занялись распросами:

– Как тебе это удалось?

– Что-то невероятное! У тебя есть какая-то особая система? Ты обязан поделиться с нами своей методикой выживания!

– Ты что, не слышал, как мы кричали тебе, что нет шансов выскочить? Зачем же ты прыгал?

Спасшийся от верной смерти лягушонок смотрел на обступивших его товарищей и знаками отвечал им, что он от рождения глухонемой. Но он, безусловно, благодарен товарищам за заботу. Без той неоценимой поддержки, которую они оказали упавшему, с риском для жизни свешиваясь с края ямы и подбадривая его криками, он не нашел бы в себе сил преодолеть усталость и отчаяние. Ему так хотелось оправдать надежды товарищей, что он просто совершил невозможное».

«Смешно, конечно, но похожее случается и в жизни», – подумал Виктор Антонович. Вот и у него было много советчиков, которые кричали в трудные моменты: «Зачем ты это делаешь? Ты все равно разоришься. Распродай все, открой магазинчик и живи спокойно».

Свою компанию он создал с нуля. И трудился не покладая рук с раннего утра и до позднего вечера. Сотрудники шли за ним, зная, что он не подведет.

Он вел компанию уверенно к победе, просчитывая каждый шаг, избегая ненужных рисков, успешно решая встречающиеся на пути проблемы.

Работа поглотила его полностью: он не мог без нее, все время было посвящено ей. Это была его жизнь – создавать, творить, увлекать людей новыми идеями, вести их вперед.

И вот теперь на высоте десяти тысяч метров Виктор Антонович задумался: «Компанию-то я создал, но вот внимания семье из-за работы, из-за частых поездок я, наверное, не достаточно уделял...»

Вспомнил жену, с которой прожил почти сорок лет. И все эти сорок лет любил ее. В их семейной жизни всякое бывало. И ссоры, и раздоры, бывало, что и уходил от нее... Но через два-три дня возвращался, просил прощения, и она все прощала.

– Да, – вдруг вспомнил Виктор Антонович, – вот, кстати, через два дня 8-е Марта, а я до сих пор не купил жене подарка.

В магазинах Лондона есть все: можно было подобрать хороший подарок, но, как всегда, из-за дел не было времени купить что-то стоящее, да и не любил он по магазинам ходить.

– Что же ей подарить? – Виктор Антонович с надеждой посмотрел в бортовой журнал, где были перечислены товары, которые можно было купить в самолете. Но мысли снова и снова переносили его в прошлое – в раннюю юность, когда он приехал в Ленинград, поступил работать на стройку простым рабочим, когда ему исполнилось 18 лет.

На день рождения в общежитие были приглашены два друга, сестра одного из них и две ее подружки. Все девушки жили в соседнем общежитии.

В маленькой комнатке был скромно накрыт стол – недорогое вино, закуски, лимонад. В подарок одна из девушек принесла букетик весенних тюльпанов. Нежные бело-розовые бутоны в пору, когда за окном еще снег, смотрелись потрясающе. И Виктор не мог оторвать взгляда от девушки с букетом. Через полтора года она стала его женой.

После этого в жизни Виктора Антоновича было много разных подарков. И дорогих, и необычных, и простых, и экстравагантных. О некоторых он сразу забывал, о некоторых какое-то время помнил, но тот подарок, тот букет тюльпанов из рук любимой девушки запомнился на всю жизнь. И лучшего подарка в своей жизни он не получал.

– Вот как бы придумать такой же подарок моей любимой жене, – задумался Виктор Антонович.

В памяти снова начали возникать эпизоды жизни: вот они сидят в кино, нежно взявшись за руки, вот во дворце бракосочетания, вот родился сын, радости, невзгоды, первая отдельная квартира, работа, учеба, карьера, ссоры... Но что бы где ни случилось, он стремился домой, к семье, к любимой жене, которая всегда ждала.

– Песню, песню об этом надо сочинить! Вот это будет подарок, – вдруг неожиданно для себя самого встрепенулся Виктор Антонович. – Песню о нас, о любви, о любимой, о доме.

И он, схватив iPhone, начал быстро печатать неизвестно откуда возникающие строки будущей песни. Они были короткие, отрывистые, немного сумбурные, но ложились легко и музыкально.

Я ехал в Ленинград,
Не знал, что ты там есть...
Но ты меня ждала...

Я встретил первый раз
Тебя среди других,
И ты меня ждала.

Букет прекрасных роз
Я подарил тебе,
И снова ты ждала...

Виктор Антонович передохнул, словно перевернул новую страницу жизни, и стремительно продолжил^

Последний ряд в цветном кино,
Твоя рука в моей руке.
И ждали тайны мы —
Любви...

И вот мы во дворце,
В руках – цветы,
Фамилия моя
Теперь – твоя,
И мы семья...

Мы были молоды,
Играла дурь,
И ссорились, любя,

Но ты ждала...

Когда ты, обижаясь,
Стремительно ушла,
Я ждал тебя.

Мы расставались
И возвращались вновь,
И ты меня ждала.

Я уходил к друзьям,
Тебя только любя...
Но ты меня ждала.

Звонил с утра тебе...
Просил простить меня,
И ты меня, браня, ждала.

Я возвращался вновь
К тебе, моей родной...
И ты меня ждала.

Корил себя всегда,
Что сделал все не так,
Но ты ждала.

Снова вздох, снова перевернутая страница – страница жизни, – и на одном дыхании Виктор Антонович закончил.

Прошли года,
Я поумнел, тебя любя,
А ты ждала...

Теперь я вновь с тобой,
Любимая моя!
Спешу к тебе,
Всегда любя.

Когда ты встретишься со мной
И скажешь:
«Здравствуй, мой родной»,
Я обниму тебя,
Любимая моя.

И мы пойдем домой.
Пойдем домой...
Пойдем домой...
Пойдем домой...

– Ну вот, – отирая салфеткой капельки пота со лба, выступившие от волнения, произнес Виктор Антонович. – Думаю, Галочке понравится.

И он быстро перебрал напечатанное на e-mail любимой жены, написав: «С наступающим праздником 8-е Марта...», и нажал на кнопку «отправить».

Самолет медленно приземлился. Паспортный контроль и получение багажа заняли минут тридцать.

У выхода ждала жена.

– Интересно, успела ли она прочесть? – с волнением подумал Виктор Антонович. – Понравилось ли?..

– Пойдем домой... – с улыбкой произнесла Галина.

И Виктор Антонович к удивлению встречающих вдруг запел:

Теперь я вновь с тобой,
Любимая моя!
Спешу к тебе,
Всегда любя.

Когда ты встретишься со мной
И скажешь:
«Здравствуй, мой родной»,
Я обниму тебя,
Любимая моя.

И мы пойдем домой.
Пойдем домой...
Пойдем домой...
Пойдем домой...

– Пойдем домой... – поддержала Виктора Антоновича Галина.
И они, взявшись за руки, пошли к машине.

Табличка с фамилией

Валерий, известный журналист средних лет, маялся в аэропорту Шереметьево уже более пяти часов. На свою беду он решил лететь из Санкт-Петербурга на Кипр через Москву. И в столице застрял надолго. Из-за непрекращающейся метели все рейсы были отменены. Когда полеты будут возобновлены – неизвестно. Неопределенность угнетала, настроение было скверное.

Помимо соображений личных, два дня назад он получил от главного редактора газеты задание написать статью о том, насколько отличается поведение российских водителей, попавших в аварию, от поведения участников дорожно-транспортных происшествий в других странах. Поводом для статьи стали два ДТП, произошедшие на глазах у Валерия на прошлой неделе. Когда же он за чашкой кофе поделился своими впечатлениями и мыслями на этот счет с главным редактором, последний сразу же ухватился за промелькнувшую идею: «А ты понаблюдай, сравни и к следующему понедельнику выдай статью. Хорошую. Поучительную».

Конечно, для подготовки статьи можно было ограничиться недавними происшествиями, свидетелем которых стал Валерий, но главный редактор предложил ему командировку на Кипр. Выбор начальника был не случайным. По мнению специалистов, именно на Кипре – самые лояльные в Европе правила дорожного движения, так что на их основе можно собрать уникальный материал.

Да и самому Валерию хотелось отвлечься. Разлад в семье начался давно. Пока дочка была маленькой, они с женой как-то терпели друг друга, вернее, делали вид, что терпят, – боялись травмировать ребенка. Но как только повзрослевшая дочь уехала учиться в Англию, притворяться стало незачем. Дочери Валерий, конечно, помогал: полностью оплачивал ее обучение в университете, исправно посылал деньги на карманные расходы. Но, несмотря на все заботы о семье, отношения с женой не ладились. Год назад после постоянных ссор они разошлись окончательно. Он ушел, ничего не взяв, как говорится, в чем был, полагая, что именно так должен поступать мужчина. Снял небольшую квартирку и зажил один.

Перед глазами Валерия, как кадры из фильма, пронеслись подробности двух недавних ДТП. Первая авария произошла в Санкт-Петербурге на пересечении проспектов Энгельса и Просвещения. Ситуация стандартная: водитель черного «Мерседеса», молодой человек двадцати семи – тридцати лет, ехал по проспекту Энгельса и, рассчитывая проскочить на желтый, врезался в BMW, которая также летела на желтый по проспекту Просвещения. Из обеих машин тут же высыпали молодцы с мобилами и, размахивая руками, начали орать друг на друга. Никто из них даже не подумал поинтересоваться состоянием пассажиров. Пострадали – не пострадали, может, медицинская помощь требуется? Кто-то из зевак вызвал милицию, к приезду которой – через сорок минут – молодые люди, выясняя отношения, успели поколотить друг друга. Разняв дерущихся, работники ГАИ начали допрос водителей и свидетелей. Движение надолго остановилось – во всем районе образовались километровые пробки.

Представители страховых компаний прибыть не изволили. А может, их и не вызывал никто – не привыкли еще наши водители к этому порядку. Через полтора часа Валерий, несмотря на свою профессиональную заинтересованность, ушел, не дождавшись конца разбирательства. Да и неизвестно, когда оно в итоге закончилось. Представители милиции никаких комментариев не давали. На любой вопрос недовольно отвечали: «Разберемся!» Водители продолжали крепко выражаться, угрожая друг другу расправой. В общем, настоящая разборка.

Второе дорожно-транспортное происшествие Валерий наблюдал в Финляндии, в городе Хельсинки.

Причина и условия аварии – аналогичные. Только поведение участников столкновения было прямо противоположным. Водители, выйдя из машин, первым делом спешили убедиться

в отсутствии пострадавших, при этом каждый предлагал другому свою помощь. В считанные минуты здесь были представители страховых компаний, сразу принявшие на себя заботы о решении дальнейшей судьбы машин. Словно из-под земли выросшие полицейские очертили мелом на асфальте контуры автомобилей и измерили тормозной путь. Через пять минут движение было восстановлено. Водители обеих машин, мирно беседуя, зашли в кафе, где сидел наблюдавший за развитием событий Валерий. Заказав кофе, они продолжили разговор и вскоре разошлись как старые друзья.

«Две похожие ситуации, и так по-разному разрешились! Когда же мы в России, наконец, дойдем до цивилизованного уровня?» – досадовал про себя Валерий.

Погода постепенно налаживалась, ветер стихал, но посадку не объявляли. Валерий согрелся, медленно потягивая коньяк. Одиночество нет-нет напоминало о себе томительным печальным ощущением уходящего времени. Вспомнились школьные годы и девочка Наташа с соседней парты. В третьем классе он влюбился в нее по уши. Стеснительность не позволяла ему признаться ей в своем чувстве, и он страшился представить себе, что за этим последует. Когда они нечаянно встречались, он опускал глаза и не мог произнести ни слова. Однажды, это было уже в четвертом, они всем классом отправились за город на пригородной электричке. Помогая войти в вагон, он подал ей руку, и она пальчиками коснулась его руки. Он нежно сжал ее теплую ладошку и не выпускал сколько смог. Потом они долго гуляли и веселились на зеленом лугу. Он снова и снова подавал ей руку, она охотно брала ее, и они носились как угорелые.

Валерий потер ладонь и почувствовал тепло ее руки и нежное пожатие – как будто это было вчера.

Где она теперь, красавица Наташка? Как сложилась ее жизнь? Куда занесли пути-дороги? Тогда, после седьмого класса, она уехала с родителями в другой город. Больше они не виделись.

Приятные воспоминания и выпитый коньяк подняли настроение. Статья и аварии отошли на второй план. Как молния, сверкнула мысль: «Разыскать бы Наташку! Может, и жизнь семейную сумел бы наладить. Она ведь путешествиями увлекалась. А мне по работе вон сколько куролесить приходится... Ну да где ее найдешь теперь? Она наверняка замуж вышла, фамилию сменила...»

Наконец объявили посадку. Валерий позвонил встречающим. Те сообщили, что все в порядке:

– Встречаем с табличкой, на которой будет ваша фамилия. – И с английским акцентом, немного смешно, произнесли: – Казаков – правильно?

– Да-да, все правильно.

Во время полета из головы не уходила Наташка. Прямо наваждение какое-то. Вспоминалась последняя встреча, и как она поцеловала его в шею. Он в ответ – в щечку. Это был первый поцелуй в его жизни. Ощущение ее нежной кожи он не забыл до сих пор. Как давно это было и как недавно.

Через четыре часа самолет приземлился в аэропорту Ларнака.

Валерий был без багажа, поэтому к выходу подошел первым. Начал искать табличку с надписью «Казаков». И вдруг услышал:

– Валерий!

Он оглянулся... И застыл на месте.

– Наташка! На-таш-ка!!! Ты ли это? Откуда? Какими судьбами?

Он крепко обнял ее, сжал в объятиях, как будто боясь потерять, и повторял:

– Наташка, милая моя, Наташка...

Время остановилось и даже повернуло вспять. Они расстались вчера, ну, конечно, вчера. И Наташка все та же, ничуть не изменилась.

– Как ты нашла меня?

– Да очень просто: твоя же фамилия Казаков, – произнесла она, показывая на табличку, которую держал встречающий водитель. Я увидела, вспомнила нашу последнюю встречу и поняла, что это ты и нам обязательно надо встретиться.

Не там построили

Решение о строительстве завода Z принималось на самом высоком уровне. В ход пошли привычные лозунги: «Стране нужны высокоточные приборы! Мы должны быть впереди Америки! Незамедлительно построить завод по производству высокоточных приборов! В течение двух лет!»

И это несмотря на то, что ничего нет. Нет такого завода в плане, нет финансирования, лимитов на ресурсы... и многого другого, без чего нельзя строить.

Неважно – включить, выделить, предусмотреть! И немедленно!

Ответственный – замминистра Петр Петрович. Начинайте завтра.

Петр Петрович собирает экстренное совещание, спускает команды вниз в главки, начальники главков – в тресты и т. д. по всей цепочке.

Место для будущего завода замминистра выбирает лично – столь ответственное мероприятие никому нельзя доверить. Спустишь на тормозах, и не там построят, черти!

При этом замминистра рассуждал следующим образом. Во-первых, территория должна быть огромной – чтобы на все хватило места. Во-вторых, завод будет с полной инфраструктурой, значит, необходима хорошая транспортная доступность. В городе это сложно... «А давайте-ка, уважаемые, полетаем над городом – сверху, как известно, все видно», – объявляет Петр Петрович.

Сказано – сделано. Через час вертолет с заместителем министра и чиновниками разного уровня уже парит над городом. Летали долго – выбор непростой.

«Смотрите, прекрасное место, и рядом с городом!» – прокричал сквозь шум вертолета Петр Петрович, указывая на зеленый дачный массив.

Обрывочные фразы «так ведь там же поселок, люди живут – ветераны войны, пенсионеры...» утонули в вихревом потоке и остались без ответа.

Решено! Строим здесь!

Виктор Антонович получил задание строить завод.

К этому времени о судьбе жителей поселка успели позаботиться: кому выдали компенсации, кому предоставили квартиры, а кто и вовсе остался на бобах. Объяснялось это просто: «У вас документов нет – ваша дача "незаконная"», и весь сказ. (Это после пятидесятилетнего проживания на ней!)

Но несмотря ни на что, люди продолжали жить, пололи грядки, выращивали овощи. На плодовых деревьях созревали яблоки и сливы. На улицах играли и катались на велосипедах дети. Не так просто в один день взять и бросить нажитое годами. Здесь ведь все родное, знакомое. Своими руками сделанное!

Виктор Антонович пытался по возможности смягчить ситуацию – спланировал очередность так, чтобы хоть какая-то часть людей успела собрать урожай. Ужасное это дело – резать по живому, сносить построенное руками живущих здесь в течение долгих лет. Но сверху дана команда: «Выполнять!» – ничего не поделаешь. Честно говоря, не для строителей такая работа. Они в душе – созидатели, чем и гордятся. А тут разрушать надо. И не только дома, сады и огороды, а еще и человеческие чувства.

Строительство котельной Виктор Антонович поручил уже немолодому мастеру – серьезному сорокатрехлетнему седовласому мужчине, шестнадцать лет назад приехавшему с Украины. Звали его Николай Иванович, но все обращались к нему Иваныч или просто Николай. Жена мастера умерла три года назад, «сгорела» буквально за полгода – рак желудка. И с тех пор он жил один в небольшой квартирке и воспитывал сына, которому на тот момент исполнилось восемь лет.

И надо такому случиться, что на месте будущей котельной в симпатичном домике, окруженном садовыми деревьями, жила молодая женщина с трехлетним сыном Сашей.

В первый раз, походив вокруг домика и полюбовавшись садом, Николай не решился зайти.

На следующий день у калитки играл маленький Саша.

– Здравствуйте! – увидев Николая Ивановича, радостно воскликнул малой. – Я тут живу с мамой, она в оголоде. А вы к нам в гости плишли? – И не останавливаясь: – Мама, мама, к нам дяденька в гости плишел!

Из-за куста сирени, вытирая руки о полотенце, показалась молодая женщина.

– Что же вы стоите? Сашенька, приглашай дяденьку в сад, чайку попьем, яблочками угостим – вон какой белый налив в этом году созрел.

Николай несмело шагнул в сад, присел на скамейку.

– Меня Ольгой зовут, – первой представилась женщина. – А это мой сын – Сашенька. А вас как величать?

– Николай. Для Саши – дядя Коля.

На столе появилась плетеная тарелка с яблоками, чашки с чаем и клубничное варенье.

– Угощайтесь, Николай! – предложила хозяйка. – Здесь все свое, натуральное. Урожай в этом году отменный!

Ольга рассказывала о своей жизни, Николай – о своей.

В их судьбах было много общего. У Ольги два года назад муж погиб в аварии, и она жила с сыном в комнатке в общежитии. Дача досталась от родителей мужа. Они получили компенсацию и разрешили Ольге пожить здесь лето.

За разговором время пролетело быстро, настала пора поблагодарить хозяйку и уходить.

Николай поднялся:

– Спасибо, Ольга! Спасибо, Сашенька!

Он сам не заметил, как назвал ребенка Сашенькой – по-родительски тепло и ласково.

– На здоровье, приходите! – подавая ему руку, проговорила Ольга.

И то ли Николаю показалось, то ли это действительно было так, но он почувствовал в ее словах грусть. Сердце будто током пронзило, и оно забилось быстро-быстро.

После смерти жены он не встречался с женщинами – целыми днями работа и сынишка. Одному с ребенком нелегко.

Всю неделю Николай каждый день приходил в гости к новым знакомым. Они проводили время за беседой и играми. Однако о причине своего визита Николай не осмеливался сказать.

В пятницу на оперативном совещании Виктор Антонович спросил:

– Что с котельной, Иваныч?

Николай сначала замялся, а потом брякнул:

– Все в порядке, на следующей неделе начинаем копать.

– Смотри не подведи!

Всю ночь Николай не мог уснуть, думал, как сказать Ольге, что он пришел их сносить. Ворочаясь с боку на бок, в конце концов решил: утро вечера мудренее – что-нибудь придумаю. Но, видимо, в голове уже созрел какой-то план, и он, успокоившись, заснул.

На следующий день Николай пришел с теодолитом и начал делать разметку котлована под котельную. Саша бегал рядом. Ольга удивленно наблюдала. Угловые колышки попали прямо в центр сада.

– Значит, так, – приказал он рабочему, – этот колышек на пятьдесят метров вправо, второй тоже. Завтра начинай копать. Дачу и участок не трогай!

Колышки были вбиты за пределами участка. Дача спасена.

Когда через два месяца геодезист делал разбивку газопровода, он долго не мог понять, в чем дело: путь будущей трассы проходил по самой середине сада, но никак не к котельной.

– Да вы же котельную не там построили! – заорал он, наконец сообразив, в чем дело.

– А ты где был, когда строили? – спокойно возразил Николай. – Кто у нас геодезист? Кто разбивку зданий должен делать – ты или я? Так что сиди и помалкивай. Сам виноват.

– А, да пошли вы... – зло махнул рукой геодезист и удалился.

Через четыре месяца Николай и Ольга пригласили Виктора Антоновича на свадьбу. И только тогда Николай сознался, что специально нарушил план.

Через год у них родилась дочь Света. А котельная, сыгравшая счастливую роль в судьбе Николая и Ольги, до сих пор стоит в незаконном месте.

Картина

Виктор Антонович безумно любил живопись. Куда бы его ни заносила судьба, везде старался посетить местные музеи и галереи. В советское время покупка картин была немислимым делом, а написанных маслом – чистая фантазия: ни выбора, ни средств. Поэтому в его первой квартире стены украшали репродукции, купленные в киосках. А когда Виктор Антонович построил загородный жилой дом, встал вопрос: где взять настоящие картины, пусть даже современные, но подлинники?

В выходные вместе с женой поехали на Невский проспект. Есть там такое местечко, Каткин сад называется, где художники недорого продают свои творения. Ходили долго. Перед глазами прошли сотни картин, но ни одна не приглянулась. Домой вернулись ни с чем.

На следующий день жена уехала к родственникам. Проснувшись утром и приняв душ, Виктор Антонович вышел на балкон полюбоваться окружающей природой. «А что если самому попробовать написать картину? – подумал он. – Вон красота какая!» Сел за руль и помчался в ближайший магазин «Художник». Купив все необходимое для рисования, вернулся домой, установил мольберт на балконе, закрепил рамку с натянутым холстом, приготовил краски, масло, кисти и задумался. Было трудно решиться сделать первый мазок: а вдруг не получится? Перед глазами стояла готовая картина... Соседский покосившийся дом с деревянными стенами, черепичной крышей, трубой и выходящим из нее дымком. Рядом – березы, яблоня, рябина и кусты сирени, а чуть поодаль – газон, дорожка к дому и накренившийся забор. В глубине сада – колодец, окруженный зарослями крыжовника и смородины.

И вот картина готова. Посмотрев на часы, Виктор Антонович не поверил своим глазам – было десять часов вечера. День пролетел, как одна минута. Прямо наваждение! Когда он рисовал, времени будто не существовало. Он жил в другом измерении – вне работы, семьи и проблем. Только холст перед глазами и сюжет картины. Новое, потрясающее и не поддающееся описанию чувство. Раньше полностью отключиться от рабочего процесса никогда не удавалось. И вот он – счастливый миг!

На следующее утро Виктор Антонович повесил картину в зале. Жена, вернувшись и увидев на стене полотно, сказала:

– Ну вот! А ты говорил не найти хорошую картину. Смотри, какая замечательная!

– Да это же моя.

– Да, твоя. А сколько стоит?

– Моя это картина! Я сам ее написал!

– Хватит рассказывать! – И легонько дотронулась пальчиком до нижнего угла картины. (Краски еще не успели до конца высохнуть.) – Слушай, а ведь и правда! Ну ты даешь! Я и не знала, что ты умеешь...

– Я и сам не знал, – признался Виктор Антонович.

После этого случая он уже не мог жить, не рисуя. Ему нравилось изображать прекрасное и самое главное – находиться за пределами времени и пространства. Чистый холст и внутреннее ощущение законченного сюжета стали его новой реальностью. Кстати, мысленно представить картину оказалось очень нелегким делом.

Как-то раз, медленно дрейфуя на резиновой лодочке по реке Воложке недалеко от Тихвина, Виктор Антонович залюбовался местной деревенькой. Стояла поздняя осень. На пригорке – несколько покосившихся избышек. С берега к ним вела грунтовая дорога, по обеим сторонам которой росли березы и ели, осины и рябины. Большинство листьев уже опали, а редкие оставшиеся имели самые невероятные расцветки. При малейшем дуновении ветра они срывались и, кружа в безмолвном танце, медленно ложились на землю. Погода была по-осеннему холодной, с ночными морозцами. Все говорило о скором наступлении зимы. Виктор

Антонович пытался запомнить мельчайшие детали увиденного, чтобы потом перенести все на полотно. Но мысли сковали сугробы и припорошенные снегом ели, белая лесная дорога да избы с сосульками и в снежных шапках.

Через пару месяцев, когда зима уже полностью вступила в свои права, Виктор Антонович установил мольберт, закрепил рамку с белым холстом и стал вспоминать осень на Воложке. Общая картина не складывалась. Вспышками появлялись отдельные фрагменты – река, деревья, дорога, избы. Но их тут же поглощала зима. «Ну да ладно! Начнем, а там посмотрим, что получится», – решил он и сделал первый мазок. К вечеру зимний пейзаж был вполне готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.